

Мария Заболотская

И.о. поместного чародея

Все в наших руках, поэтому их нельзя опускать!

Мария Заболотская

И.о. помещного чародея

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4954542

И.о. помещного чародея: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012

ISBN 978-5-9922-1263-1

Аннотация

Легенды о героях? Сплошное надувательство! Великие маги? Коварные хитрецы, от которых нужно держаться подальше! Верные друзья, которые всегда придут на помощь? Слишком хорошо, чтобы в это можно было поверить!

В этом мире каждый торопится одурачить другого, чтобы самому не очутиться в дураках. Но даже здесь можно повстречать на своем пути и дружбу, и любовь, пусть даже не сразу признав их в неприглядном обличье. Только вначале Каррен, поневоле угодившей из служанок в героини, придется полагаться только на себя и научиться не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

Содержание

Глава 1,	4
Глава 2,	11
Глава 3,	15
Глава 4,	25
Глава 5,	38
Глава 6	46
Глава 7,	51
Глава 8,	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мария Заболотская

И. о. поместного чародея

Глава 1, *в которой говорится об отвратительных рассветах, тяжелой жизни служанок и подлой сущности чародеев*

Когда я проснулась от тревожного сновидения, в доме было тихо. В комнате еще царила предрассветная белесая мгла, из-за которой вся обстановка выглядела зыбкой и нереальной. То ли сон, то ли явь – не разберешь. Ночной кошмар сразу же лишился своей силы, вылинял и превратился в какие-то бессвязные обрывки: бег сквозь душную ночь, когтистые руки, тянущиеся из болотной воды, оскаленные черно-багровые пасти – в общем, все то, что обычно снится людям в полнолуние. Проклятая полная луна всегда вытягивает из человеческой души самое мутное...

Я лежала неподвижно, глядя в потолок, почти неразличимый в утреннем сумраке. Кошмар еще не отпустил меня – мне виделись какие-то клубки черноты, которые прятались по углам. Но я знала, что это всего лишь мое взбудораженное воображение – в этом доме давно не обитали ни домовые, ни духи.

В звенящей тишине слышно было, как где-то за рекой надрывался петух и мерно поскрипывало мельничное колесо, хоть мельница располагалась не так уж и близко от дома. Это успокаивало. Все было так же, как и вчера, позавчера и целую вечность до того.

Ставни были распахнуты настежь, и ничто не препятствовало проникновению первых утренних звуков в мою маленькую комнатку, окна которой выходили в старый яблоневый сад. Летом я всегда перед сном оставляла окно открытым. Мне нравилось засыпать под стрекотание сверчков и шорох ветра в листве – то тревожный, то убаюкивающий. Еще чуть-чуть, и можно было поверить, что это мой старый родной дом, который я так давно покинула, не зная, что никогда больше не вернусь туда. Точно так же там срывались с ветвей яблоки и падали на землю в теплых летних сумерках; так же пел вдалеке соловей, и даже в воздухе витали те же ароматы скошенной травы и прелой лесной листвы...

Веки сами по себе начали слипаться, и я уже почти поддавалась соблазну. Еще самую капельку полежать бы, свернувшись в клубочек под теплым лоскутным одеялом...

Нет. Полчаса – и солнце взойдет. Следовало выкинуть из головы бередящие душу воспоминания и подниматься.

...Я была служанкой. Самой обычной служанкой при скучном господине, жизнь которой вертится вокруг немытой посуды, нестираных подштанников и неполатых грядков, даже краешком не прикасаясь к интересным, захватывающим дух событиям, которые случаются с другими, храбрыми и умными людьми. Где-то рыцари спасали благородных дам из заколдованных башен, где-то герои убивали драконов, в морях ундины топили моряков и просто купающихся, в горах гномы ковали мечи и кольчуги (это, пожалуй, не намного легче моих обязанностей, в отличие от всего предыдущего), а я в это время драила полы и ошипывала кур. И вполне естественно, что от этого мне иногда хотелось попросту завывать. Особенно по утрам.

О как же я ненавидела эти рассветы! И что хорошего нашли менестрели и поэты в ежедневно поднимающемся над лесом малиново-огненном круге? «Рождение нового дня», «розовая кайма на горизонте»... Попробовали бы они продрать глаза в такую рань!..

С усилием я выбралась из-под теплого одеяла. Деревянный пол выстудился за ночь, и до комода я добежала на цыпочках, гримасничая и вздрагивая. Оделась, путаясь спросонья в штанинах и рукавах. Вода в рукомойнике была и вовсе ледяной, от нее зубы сводило, а спина покрывалась мурашками.

Только сейчас я почувствовала, что проснулась, причем не в самом лучшем расположении духа.

Мимоходом я расчесала воронье гнездо на своей голове, печально косясь на себя в осколок зеркала. Волосы мои были темными, жесткими, очень густыми и курчавились во все стороны, словно овечья шерсть. Я слыхала, что такой роскошью награждаются только те несчастные, кто имеет в предках тролля (в наших краях, отличающихся свободными нравами, такое случается), и в это можно было поверить. Если мои космы отрастали ниже плеч, расчесать их можно было разве что граблями. Костяные гребешки теряли зубья, как завсегдатай таверны, – по несколько зараз. Приходилось то и дело состригать жесткие кудри, что исключало всякую возможность выглядеть достойно – известно ведь, что красота девушки находится в прямой зависимости от длины ее косы.

Во всем остальном я была, как говорится, заурядной девицей простого сословия почти двадцати лет от роду, светлоглазой, жилистой и угловатой, точно мальчишка-подросток.

Я вышла из комнаты, на ходу натягивая башмаки, и прислушалась, но ни один звук не нарушал сонную тишину дома. В темном узком коридорчике, ведущем к лестнице, мерно поскрипывал сверчок, явно не знающий, что утро уже наступило и пора бы давно заткнуться. Я вздохнула и покачала головой.

Ничего удивительного в этой мертвой тишине не было – с тех пор, как я появилась здесь, у моего хозяина, магистра Виктредиса, вошло в обычай спать вволю, не обращая никакого внимания на всякие мелочи вроде рассветов, кукареканья петухов и собственных обязанностей. Он сладко сопел, сколько его душе было угодно, в то время как я громыхала сковородами и чугунками на кухне, разбиралась с курами и конем, наглаживала рубахи и тоги, крахмалила манжеты, воротнички и прочая, и прочая, и прочая. А вот когда желание поспать начинало бороться с желанием поесть, магистр с кряхтением и вздохами выбирался из-под одеяла и плелся на кухню, не снимая своего ночного колпака.

Магистру Виктредису было лень облачаться в мантию до обеда, лень умываться, лень думать и даже здороваться со мной было лень. Спросите меня, что с самого утра может испортить весь день, и я вам скажу, что заспанный субъект в линялом халате и мятом колпаке с кисточкой, со снулым видом пережевывающий яичницу, справится с этим как нельзя лучше.

Ах да, забыла сказать, что Виктредис был магом. Они в большинстве своем являются отменными занудами, так что вряд ли Виктредис мог кого-то удивить своими привычками. Он был типичным представителем своей профессии, только и всего.

Обычно магов называют волшебниками или чародеями, но это, так сказать, бытовая терминология, выдающая невежество того, кто ее употребляет. Все равно что лекаря обозвать костоправом или коновалом, наплевав на то, что он изучал в университете десять лет фармакологию, хирургию, зубовыдиранье и прочие сложнейшие науки, названия которых способны сломать язык обычному человеку.

Я, как служанка, то есть человек, стоящий на лестнице общественного положения где-то у входа в подпол рядом с отребьем и бродягами, могла позволить себе быть невежествен-

ной. Поверьте мне, маг – это абсолютно аморальное, двуличное и подлое существо, как его ни назови.

В фундаментальном труде по истории магии, написанном самим Брианбардом-Строителем, одним из славнейших чародеев прошлого, магам дается следующее определение, пусть и не всеобъемлющее, но весьма патетическое: *«Маг – это человек – в большинстве случаев, – который имеет способности к эффективному – опять же весьма спорный термин, так как большинство магов к эффективности имеют то же отношение, что и дырявая ложка – использованию энергии четырех стихий, а именно Воздуха, Воды, Земли и Огня, в ходе которого возможны изменения как в физическом, так и в метафизическом поле»*.

Я в свете некоторых своих жизненных обстоятельств, о которых поведаю чуть позже, скажу по-другому: маг – это существо, отучившееся десять лет в любой магической школе, признанной Лигой Чародеев, и получившее лицензию той же Лиги на право заниматься магической деятельностью. Так будет куда правдивее, потому что так оно и есть.

Расскажу-ка я подробнее о магии и тех, кто ее использует себе на пользу, чтобы избежать многих вопросов в будущем. Поразительно, как мало зачастую знают о мире волшебства обычные люди и насколько ошибаются в своих предположениях.

Магическая деятельность, как известно почти всем, бывает нескольких родов. Но далеко не все догадываются об истинных различиях между магами, бытующих в чародейском сословии уже сотни лет.

Начать следует с подвида, известного широким кругам как Чародей Придворный, и, вспомнив принципы общепринятой зоологической номенклатуры, к этому наименованию можно смело добавить видовой эпитет «необыкновенный», во многом проясняющий суть предмета. Такой маг конечно же относится к знатному роду, корни которого теряются где-то за пиршественным столом самого Брианбарда, что позволяет представителям данного рода считать себя его прямыми потомками – за столами в то время нравы были более чем вольные. Чародей Придворный импозантен, красив и хитер. Он небрежно решает геополитические задачи и дипломатические головоломки, устраняет недоброжелателей с размахом и помпой. В его прошлом одни темные страницы, его взгляд умудрен и циничен. Это омерзительнейший представитель чародейского племени, к счастью встречающийся не так уж часто в силу своей крайней неуживчивости и коварства своих же собратьев.

Второй подвид – Чародей Бродячий, может считаться как обыкновенным, так и необыкновенным, в зависимости от его послужного списка. Эти вечные искатели приключений бесцельно странствуют по просторам всех королевств и княжеств и охотно ввязываются в сомнительные авантюры, которые через десять лет превращаются в эпические песни с печальным концом. Их жизнь увлекательна, ярка и полна впечатлений, последним из которых является затягивающаяся на шее петля или потрескивание пылающего хвороста. Они любимы народом – увы, лишь посмертно, – и зачастую даже народ не может понять причины возникновения этой любви. Проще говоря, они авантюристы и бездельники, которым лень работать на постоянном окладе.

И наконец, третий, самый распространенный подвид – Чародей Поместный, который может быть только обыкновенным, и более никаким другим. У него не было выбора: он не являлся сыном знаменитого мага; его прародитель видел Брианбарда только издали, да и то не мог потом сказать с уверенностью, Брианбард то был или кто-то другой; родные едва наскребли денег, чтобы отправить чадо в большой город, а остальные пятнадцать сестер и десять братьев долго махали ему вслед, пытаясь вспомнить, как же его зовут. Он старательно учился, копил деньги сначала на сапоги, потом на коня. Злобно косился на более везучих – родовитых – учеников и, вполне возможно, кончил Академию с отличием, до чего никому не было дела. Его удел – пиявки, кровопускания и борьба с сельскохозяйственными вредителями. В своем околотке он одновременно лекарь, аптекарь, истребитель мелких чудовищ и

друг бургомистра. Его уважают, иногда даже любят, особенно если он проявляет понимание в вопросах сенокоса, уборки урожая и лечения конского сапа.

Так Чародей Поместный проживает всю свою жизнь, не особо желая ее продлевать до классических волшебных трехсот лет, ведь ему обычно все опостылевает еще за первые тридцать. И все эти годы приправлены досадой на тех, кто добился большего, приложив куда меньше усилий.

Мой господин, магистр Виктредис был обычным поместным магом. И практически ничем не выделялся среди себе подобных.

Утро между тем продолжалось, несмотря на то что в голове у меня бродили посторонние мысли. Зевая и потягиваясь, я спустилась на кухню, которая находилась на первом этаже, соседствуя с гостиной. Мой уклад жизни не отличался от будней любой крестьянки: первым делом я разводила огонь, водружала на плиту сковороду и чайник, а затем начинала метаться между курятником, конюшней, огородом и очагом, словно вконец ополоумевшая белка в колесе. Раньше кое-какие обязанности исполняла старуха из местных, но скаредный магистр отправил ее в бессрочный отпуск, здраво рассудив, что я справлюсь и сама, так как деваться мне некуда.

Сегодняшнее утро было в точности таким, как и все предыдущие.

Тяга в трубе была отменная (сама чистила), дрова – сухими и колотыми (сама колола), а яйца – свежими (неслись, слава богу, пока что куры).

К яичнице с беконом, входящей в меню обычного чародейского завтрака, обязательно полагалась свежая зелень и огурчик, иначе нудной проповеди было не избежать. Я была достаточно умна, чтобы не верить в счастливый случай, который заставил бы Виктредиса хоть раз забыть о пучке укропа на завтрак. Проще уж представить, что великий Брианбард-Строитель воскрес, а светлейший князь Йорик снизил дорожную пошлину. Более педантичного и мелочного человека, чем Виктредис, я еще не встречала.

Огород располагался сразу же за домом, примыкая с одной стороны к конюшне, а с другой – к небольшой рощице. Там было по-утреннему свежо и сыро, отчего у меня немедленно начался насморк.

Побродив среди заросших грядок с укропом и луком, я пришла к неутешительному выводу, что в список моих задач на сегодня надо включить срочную прополку. Проклятая лебеда вымахала по колено, выпустив длинные поникшие соцветия в знак своего полного благополучия, и пырей безоговорочно торжествовал над морковкой, намекая на тщетность всякой с ним борьбы своим цветущим видом. А ведь я только неделю назад гнула тут натруженную спину под палящим летним солнцем!.. А какие комары тучами кружили надо мной! Какие волдыри потом украшали мое лицо!.. Разрази меня гром! Капусты вообще не видать за сорняками!!!

Н-да... Сегодня мне полагалось нажать травы для коня и хорошенько почистить его скребницей, сходить в лес за ягодами, наварить варенья (Виктредис мне уже плешь проел своими воспоминаниями о дивном черничном варенье его покойной матушки), заштопать рабочую тогу магистра, навеститься на городской рынок, состряпать обед и ужин, прибраться в доме, накопать мандрагоры... Теперь еще и огород! Ну что за напасть?..

Как видите, день мой был насыщен событиями до предела, но интереса для посторонних они не представляли никакого.

Погруженная в тяжелые раздумья о грядущем, я вернулась в дом с огурцами и пучком зелени. На кухне все бурлило, шкворчало и дымилось. Я присела за стол и задумчиво надкусила огурец, тщетно пытаясь найти в глубинах своей души радость от кратковременной передышки.

Огурец сочно хрустнул, и я замычала, схватившись за челюсть. Как же меня угораздило забыть, что вчера вечером у меня разболелся зуб?! Вот почему я проснулась в таком паршивом настроении!

– Пропади ты пропадом, – тоскливо сказала я сама себе.

Тупая боль уже начинала ворочаться где-то в висках, заныл затылок и задергался глаз. Похоже, дело обстояло куда хуже, чем показалось мне с вечера.

Я посмотрела, что творится под крышкой сковороды, отставила чайник на край плиты и вышла из кухни. Надкушенный огурец остался лежать посреди стола.

...В лаборатории магистра Виктредиса витал устойчивый запах аммиака, сиречь нашатыря. Я, как человек опытный, вдохнула лабораторный смрад всей грудью и привычно закашлялась. От рези в носу даже зубная боль стала тише. Зато второй вдох прошел без последствий. Все-таки я провела в подобных мерзких местах не один год и знала, что организм к ним следует приспосабливать сразу, а не постепенно.

Нужная колбочка нашлась сразу. Как-то мне уже доводилось пользоваться ее содержимым, когда я ошпарила ногу крутым кипятком. Экстракт снежной ягоды ослаблял боль, вызывая онемение и приятно холодя кожу. После его применения можно было делать все что угодно, хоть ампутацию.

На вкус он был отвратителен. Что-то вроде прогорклого масла с примесью половой тряпки.

Я немного подождала, пока десны заледенеют, а потом с облегчением выплюнула мерзкий декокт за окно. К своей досаде, я обнаружила, что экстракт подействовал не только на зубы – у меня полностью онемел язык. Глупо было не подумать об этом заранее. Я попыталась издать какой-либо звук и в отчаянии замычала. Походило на то, что еще пару часов мне придется побыть немой.

Ну что ж, главную глупость сегодня я уже совершила. Теперь следовало прибраться все так, чтобы Виктредис ничего не заметил. То, что я внезапно лишилась дара речи, вряд ли привлекло бы его внимание, а вернее, еще бы и порадовало.

Расставляя колбы в положенном порядке, я вдруг заметила листок на краю стола. На нем было что-то написано, причем немало. Даже издали было заметно, что строчки расползлись вкривь и вкось, буквы отличаются самой разнообразной величиной, а наклон их весьма произволен. Я с полной уверенностью могла сказать, что это дело не моих рук. Без ложной скромности признаюсь, что мой почерк мог бы стать предметом гордости любого лицензиата или богослова.

Странно.

Давным-давно, когда я появилась в этом доме, магистр Виктредис выяснил, что я умею писать и читать ничуть не хуже его самого, после чего более не прикасался к перу. Теперь, когда в его голову приходила мысль, которая заслуживала увековечивания на бумаге, чародей приходил на кухню или огород и приказывал мне пройти в кабинет. Я покорно кивала головой, оставляла недомытую посуду или недополотую грядку и следовала за магистром. Мне полагалось понимать, что светлые мысли являются предметом весьма деликатным и мимолетным. Вот они есть, а вот – фьють! – и нет их. Посуда и грядки могли подождать. Они почему-то никогда «фьють» не делают.

К счастью, идеи в голову Виктредису приходили не столь часто, чтобы всерьез дезорганизовать ведение домашнего хозяйства.

Короче говоря, все рукописи в этом доме, включая списки необходимых покупок и этикетки на микстурах, вышли из-под моей руки.

Итак, я с некоторым недоумением взяла листок и взгляделась в эти ужаснейшие каракули, которые я не решилась бы назвать даже клинописью.

«Милая Каррен!» – с таких слов начиналось письмо – а это, вне всякого сомнения, было именно оно.

Я в полнейшей растерянности почесала макушку, при этом намертво запутавшись в своих собственных волосах. Это меня звали Каррен, Каррен Глимминс, точнее говоря. Но эпитет «милая», употребленный в связи с моим именем, как-то сбивал с толку. Я, конечно, подозревала, что Виктредис что-то там про меня думает, отмечает и запоминает, но чтобы это вылилось в слова «милая Каррен»...

С этой мыслью я уселась на столе и принялась расшифровывать это поразительное послание. Упоминание моей персоны в первой строчке письма давало мне право на чтение, насколько я могла судить.

Итак, в нем говорилось следующее:

«Милая Каррен!

Я не знаю, зачем пишу это письмо. Собственно говоря, оно ничего не меняет и ничего не прояснит для вас. Я давно все решил и лишь ждал того переломного момента, который наконец подтолкнет меня сказать: «Так более продолжаться не может!»

Много лет я терпел, ломал свою жизнь в угоду какому-то мифическому закону, но чувствовал, что в один прекрасный миг все обрушится. И вот этот миг настал! Я покидаю этот городишко, мелких людей, его населяющих, и мой ограниченный, скучный мирок. Мечта победила серые будни, хотя ей для этого понадобился не один год. Я уезжаю прочь, чтобы увидеть новые горизонты, вдохнуть воздух свободы! Сколько можно бояться, унижаться и страдать? Ни один человек не заслуживает того, чтобы медленно чахнуть в этом захолустье, и я не худший из чародеев! В этот миг торжества свободы духа меня гнетет лишь мысль о том, что я оставляю этот город на произвол судьбы. Быть может, это низко и подло, но больше я не могу терпеть. Это не мое призвание, и я честен перед самим собой. Вы и сами видели, что за жизнь здесь. Рутинка и болото из коклюша, свинки, стригущего лишая и лошадиного сапа. Я измотан и опустошен.

На вас наверняка обрушится гнев Лиги, простите меня за это. Я знаю, сколь шатко и уязвимо ваше положение. Вы славная девушка, работающая и порядочная, хотя и скованы узкими рамками своего мировоззрения. Нельзя ожидать полного понимания в данной ситуации от девицы вашего сословия. Я знаю, что поступаю недостойно и низко с вашей точки зрения. Не буду спорить, чтобы не тратить попусту свое красноречие и время.

Прощайте, думаю (и надеюсь), мы больше с вами не встретимся. Виктредис, магистр II степени».

Я дочитала этот манифест свободомыслия, перенасыщенный восклицательными знаками, и старательно скомкала, чувствуя, как начинает бешено колотиться мое сердце. Не хотелось лукавить и говорить, что смысл прочитанного не сразу дошел до меня, – я не отличалась тугодумием. Все было предельно ясно. Мой господин сбежал из города под покровом ночи, оставив меня на произвол судьбы. Честно говоря, я никогда ранее не слышала о подобных случаях. Это у высшего общества ренегатство и предательство всех сортов являются довольно распространенными явлениями – политика, комплоты, интриги... Маг-ренегат – это даже звучит внушительно, с намеком на некоторый авантюрный шик, до которого чародеи весьма падки.

Но беглый поместный чародей?..

Глупее отродясь ничего не слыхала. Куда ему бежать? Зачем? Так, того и гляди, деревенские бабы побегут от горшков в поисках заколдованных принцев, а мужики забросят покосы с посевными и захотят истребить пару-тройку драконов. Бегство Виктредиса являлось абсурдом в чистом виде. Ему некуда было идти, так как в нем не испытывала нужды ни одна живая душа за пределами этого городка, да и местное население не шибко-то признавало практическую полезность магистра.

Воскликать «Не может быть!» я не стала, так как давно убедилась, что данное утверждение является наиглупейшим. Быть может все что угодно.

Целеустремленно я взбежала по лестнице к спальне магистра, что располагалась в противоположном конце коридора от моей каморки, и отворила дверь, не забыв, впрочем, постучать на всякий случай.

Ответом мне конечно же была тишина. Кровать была заправлена, впервые за все время моего пребывания здесь.

Я заглянула в платяной шкаф и удостоверилась, что парадная тога Виктредиса – темно-синий бархат хорошего качества, вышивка по краю подола, накрахмаленный до скрипа стоячий воротник – отсутствует. Ну конечно! Стал бы он сбегать в рабочем балахоне, где на животе пятно от марганцовки, или в ночном колпаке!.. Бегство – это ведь так драматично. Только парадная тога, выглаженная и надушенная! Небось еще и расчесался на пробор, и зубы почистил...

Мысленно чертыхнувшись, я вновь спустилась на первый этаж, выбежала во двор и выглянула за ворота, не забыв заглянуть для проформы в опустевшую конюшню. Коня тоже не было. Бедный толстый Парфирс! Он даже не догадывался, что такое галоп!..

Мне живо представилось, как Виктредис в развевающейся парадной тоге, с сосредоточенным и волевым лицом мчится по пустынной ночной дороге, прищипывая своего жирного, неповоротливого коня, и только призрачный свет луны отражается от его лысеющей макушки неясным бликом... Я желчно скривилась и пробормотала короткое ругательство себе под нос.

Дом магистра находился на возвышенности, с которой открывался замечательный вид на мост через реку Липону, полоску заброшенного поля, расстилавшегося за ее излучиной, и старый лес, а также на дорогу из близлежащего городка Эсворда, петлей огибавшей холм и спускавшейся к мосту. Чуть дальше, вниз по течению находилась водяная мельница. За лесом начинались болота Керрега – низина, полностью скрытая густым, клубящимся болотным туманом, от одного вида которого по спине пробегала дрожь.

Я пристально вгляделась в исчезающую за темной стеной леса ленточку дороги, слегка подернутую утренней туманной пеленой.

Она была абсолютно пустынна, чего и следовало ожидать.

Досада и злость наконец нанесли сокрушительное поражение моему многострадальному самообладанию, и я изо всех сил врезала ногой по дубовым воротам, вложив в этот удар все низменные чувства, что пробудил во мне магистр своим поступком.

Подлый гад! Мерзавец! Чернокнижник паршивый! Мне оставалось всего десять дней!

Глава 2, которая пытается прояснить, что за человек была Каррен, служанка поместного мага из Эсворда, и отчего так безнадежно испортился ее нрав

Если уж начинать жаловаться на судьбу, то делать это надо обстоятельно. При некоторой склонности к меланхолии вся история моей жизни может показаться цепью злоключений, которые как нельзя лучше подходят для того, чтоб живописать их с трогательными и душещипательными подробностями. Итак, начать следует с того, что я была сиротой. Ха, вы так и думали? Совсем неудивительно? Банально и предсказуемо?

Согласна.

Но в нашем мире, сотрясаемом войнами, эпидемиями и стихийными бедствиями благодаря полоумным королям, подлым придворным магам и постоянно голодной нежити, найти человека, все родственники которого дожили бы до преклонных лет, весьма затруднительно. По крайней мере, в Арданции, королевстве, откуда я была родом. Впрочем, я не думаю, что где-то дела обстоят благополучнее – многие мои знакомые в глаза не видывали либо свою мать, либо отца, либо обоих своих родителей, что абсолютно не мешало им жить дальше, не отвлекаясь на вредные фантазии о своем высокородном происхождении и роковых тайнах, с ним связанных. Посмотрим правде в глаза: голодному вурдалаку плевать на родовитость своей жертвы. Крестьянин же встречается в природе куда чаще, нежели дворянин, и оттого сиротами чаще остаются дети мирных земледельцев, а вовсе не отпрыски герцогов да королей.

Арданция, где я появилась на свет в уважаемом и многочисленном семействе Брогардиус, была весьма богатым государством, где наличествовали и величественные горы, и широкие реки, и тенистые леса, а города этого королевства являлись средоточием культуры и наук, в отличие от городов дикого Хельбергона или вовсе уж варварского Даэля. В столице Арданции, городе Марисо, находился один из старейших университетов нашего мира, куда стремились попасть наследники знатных семейств, одним богам ведомо зачем. Большинство знаменитых философов прошлых лет являлись моими соотечественниками, а самые сладкоголосые барды были вспоены арданцийскими винами с рождения, что также дает повод для гордости местным жителям. Арданцийские вина – это вообще повод, должна я заметить. Даже если бы кроме вина в этом королевстве не было бы ни черта хорошего, все равно тысячи и десятки тысяч людей благословляли бы Арданцию всю свою жизнь, воздерживаясь от хвалебных од разве что по утрам.

Что там говорить – именно Арданция была признана родиной куртуазных манер, а двор ее короля всегда был пышнейшим среди подобных ему. Кто не слышал про знаменитые фонтаны у дворца арданцийского монарха – чудо гидродинамики! – и кто не видал на гравюрах изображение собора святого Филапольда, который, несомненно, является шедевром готической архитектуры? Даже легендарный герой Роамон появился на свет в долине реки Поне, протекающей по плодородной земле Арданции. Прекрасная страна, утонченные манеры!..

Сама-то я про эти диковины только слышала, да и наречие арданцийское понимала через пень-колоду. К тому времени, как я начала смотреть на жизнь более осмысленно, моя семья уже довольно давно скиталась по просторам менее изумительных королевств из-за злополучной войны между королем и одним из его вассалов, случившейся аккурат накануне

моего появления на свет. Мой батюшка, которого я даже на портрете не видала, воевал за мятежного герцога и погиб, как это чаще всего и случается.

Он не был особо знатен (однако имел свой герб в виде скрученного снопа соломы на синем фоне), да и богатством не мог похвастаться – просто зажиточный горожанин с претензией на родство с каким-то бароном из Шатеруа, о чем сам барон даже не догадывался.

Родные восприняли его незамеченный прочими подвиг как очередное, но уж точно последнее сумасбродство. Призывы батюшки последовать его примеру в свое время были вежливо, но твердо отклонены моими дядюшками и кузенами. Они не понимали, как можно продемонстрировать свое благородство путем мучительной и бесполезной смерти на поле битвы. Они не знали, с какой стати должны быть верны какому-то герцогу, которого никто из них и в глаза не видел. И понятия не имели, что за прок от этого бунта простому народу. То есть они рассуждали довольно здраво и логично, что делает им честь.

Однако по-своему батюшка был прав, безошибочно угадав свое предназначение и последовав ему. Если бы он не погиб в этой войне, то ввязался бы в следующую, даже если бы в ней решалась судьба какого-нибудь неведомого Саграгта или Амилангра. Затем бы он принялся за революции и восстания, боролся бы повсюду против тирании и несправедливого социального устройства мира – и так до самой смерти, вне всякого сомнения, насильственного характера. Желание бороться хоть с кем-то снесло его и не давало никаких шансов дожить до преклонных лет.

...Герцог тот также недолго радовался жизни, так как вскорости его ополчение было уничтожено, а его самого вместе со сторонниками торжественно обезглавили. Посмертно вспомнили даже про столь мелких людишек, как батюшка, что, несомненно, польстило бы тому. Родственникам сторонников порекомендовали покинуть пределы королевства, причем как альтернатива предлагались тюрьма или каторга. Положа руку на сердце, я понимаю, что депортация их прежде всего была выгодна самому королю: если представить, что у каждого сторонника наличествовало столько же родственников, как у моего покойного батюшки, пришлось бы построить десяток новых тюрем и клепать кандалы с утра до ночи.

Моя матушка была женщиной весьма сообразительной, к тому же, судя по портретам, прехорошенькой, что подпитывало ее надежду на более достойную жизнь. Не успели еще высохнуть чернила на указе о ссылке, как она выскочила замуж за какого-то графа, избавившись от меня, как от бесполезного и крикливого груза. Я была вручена своей бабушке по отцу, которая как раз собирала вещи в дорогу. Немногие ценности, доставшиеся ей после смерти батюшки, матушка забрала с собой, пояснив, что делает это из сентиментальных чувств.

Так я и стала сиротой, причем бездомной. Можно сказать, что это было первое серьезное невезение в моей жизни. Вместо того чтобы мирно провести детство и отрочество в стенах скромного, но уютного родительского дома, что находился, как мне говорили, в Марисо, на углу улицы Ткацкой и переулка Марсе, имел два этажа и отличался изысканной архитектурой кровли, я была запихнута в какую-то корзину и вместе с остальным багажом погружена в крытую повозку. Ранним весенним утром эта повозка проехала через южные ворота Марисо в направлении Теггэльва в составе кавалькады из таких же колымаг, увозя меня навсегда из Арданции. Я не слишком тогда разбиралась, что к чему, и поэтому просто вопила без передыху, доводя бабушку до белого каления.

Мать свою я больше никогда не видела и не знаю, как сложилась ее судьба. Положа руку на сердце, признаюсь, меня очень редко посещали мысли о ней, и я совсем не интересовалась, что случилось с этой светловолосой красоткой. Взлетела ли она на недостижимую высоту, покорив высший свет, как ей мечталось, или умерла с голоду в трущобах – мне было все равно. У меня сохранился медальон с ее портретом, который я никогда не надевала, и

иногда на меня находила блажь: я рассматривала ее лицо, пытаюсь обнаружить в себе какие-то чувства к этой незнакомой женщине. Говорят, так положено.

Она была, вне всякого сомнения, дивной красавицей, яркой, словно бабочка. По всей видимости, внешностью я пошла в отца, так как на меня не пал даже незначительный отблеск ее красоты.

Никогда не любила бабочек. Порхают, чаруют, питаются нектаром и амброзией, а чуть только небосвод затянет тучами, как их и не видать. Слишком уж хрупки и нежны, чтобы встречать невзгоды честно и достойно, не пытаюсь улизнуть. Им бы только солнце и цветы, а все остальное никуда не годится. Глупые, легкомысленные создания, от которых нет никакого проку.

Точно таким же было мое мнение касательно беглой матушки.

Черт с ней. Я никогда не была сентиментальной.

Моя бабушка Бланка с остальными невезучими Брогардиусами скиталась довольно долго. Первыми моими воспоминаниями были скрипучие колеса повозки, на которой я сидела, болтая босыми грязными ногами. Иногда я вижу во сне смутные картины моих странствий: раскисшие дороги, вечный дождь и бескрайние поля с пожухшей травой. Тоска, страх перед будущим и дороги, дороги, дороги...

То был Теггэльв, которому так и не было суждено стать моей второй родиной. Теггэльвцы настороженно встретили своих родственников-бродяг и вскоре указали нам на дверь. Никому не были нужны бедные изгнанники, вот каким оказался мой первый жизненный урок. Все боятся чужого горя, словно заразы. Последующие уроки были в том же духе, и я бы не отказалась их пропустить, но высшие силы, видимо, не считали меня достаточно сообразительной и повторяли раз за разом одно и то же.

Опять потянулись серые поля, низкое пасмурное небо над головой и лужи, где отражались унылые тучи. Потом ненавистные поля сменились мрачным, темным лесом. Я уже не болтала ногами, так как надвигалась зима и высовывать нос из повозки не хотелось. Да и не нравились мне эти места – болота, трясина... Я еще не знала, что мне предстоит прожить здесь еще десять лет, которые впоследствии покажутся мне счастливейшими.

Это было захолустное княжество Эпфельредд, втиснувшееся между богатыми, могучими королевствами – Аале, Эзрингеном и Теггэльвом. На севере от него примостился скалистый, мятежный Каммероль, вотчина гномов, а на западе угрожающе навис воинственный Хельбергон, край ледников, фиордов и безжалостных наемников. Наше (теперь уже наше) маленькое, бедное княжество продолжало считаться суверенным только из-за того, что никому не хотелось тратить силы и время на его завоевание, которое было делом бессмысленным, хуже того – невыгодным. Эпфельредд был почти полностью покрыт лесами и болотами, среди которых робко ютились маленькие городки да убогие села. Только на юго-востоке земли были более-менее обжиты – там находилась столица Эпфельредда, Изгард, славная своей магической Академией, уступавшей лишь той, что в Эзрингене.

Эпфельреддские родственники были нам рады так же, как и теггэльвские. Однако жизнь нас кое-чему научила, и мы никуда больше не поехали. Ясно было, что такой же прием нас ждет и в Аале, и в Хельбергоне, и в Эзрингене. Так какого черта еще пару лет шляться по бездорожью, отбиваясь от волков и разбойников? Лучше уж противостоять усилиям родственников отправить нас восвояси!

Большинство моих дядьев и теток с кузинами и кузенами двинулись в столицу, где какой-то далекий племянник бабушки хорошо разжился на торговле сукном, а сама бабушка решила остаться в глухом даже по эпфельреддским меркам Артанде, южной провинции на границе с Аале. Там жила ее престарелая кузина Маргарет – одинокая бездетная вдова. Бабушка решила, что полуразрушенная усадьба в качестве наследства все-таки лучше, чем

пиш с маслом, который ждал нас в любом другом месте. Изгард, «большой город с множеством перспектив для предприимчивых людей» – цитата из пылкой речи дяди Вольдемара – ее не прельщала. Как говаривала она, «у меня вот уже где ваша столичная перспективная жизнь! Мало вам перспектив в Арданции было?».

Я, конечно, осталась с ней. Больше никому я нужна не была, что не особо скрывалось.

...Про мое артандское детство рассказывать особо нечего. После бродяжничества по дорогам Арданции и Теггэльва мне казалось, что мы очутились в раю, где можно было спать на чистых простынях, пусть даже и не шелковых, а грубых льняных, и есть за столом. Владение старой Маргарет представляло собой небольшое деревянное строение, не намного превосходящее размерами прочие крестьянские дома. К усадьбе прилагался горько пьющий батрак, пользы от которого было куда меньше, чем вреда. Маргарет – вздорная, склочная старушенция – прожила еще пять лет вместе с нами, пока не отправилась в мир иной, но даже ей не под силу было отравить мне существование.

Бабушка сама научила меня грамоте и счету, памятуя про наше почтенное происхождение. Я легко усваивала все новое, если оно казалось мне интересным. С неинтересными предметами было сложнее.

Будучи строгим и упорным учителем, бабушка не утруждала себя рукоприкладством, предпочитая вдумчиво подбирать наказания. Чем хуже мне запоминались глаголы и арифметика, тем чище становились поля и лучше прополот огород. Природная лень во мне боролась с природной же ленью, и в результате, при некотором содействии врожденной любознательности, я освоила и сложение, и вычитание, и деление, и умножение, в совокупности дававшие мне значительное преимущество перед остальными деревенскими лоботрясами, с которыми я водила дружбу. В целом же я представляла типичное крестьянское чадо, считающее, что конец света находится аккурат за околицей. Я была поразительно невежественна и ничуть не тревожилась по этому поводу.

Бабушке оставалось только вздыхать, глядя, как ее внучка копошится в дорожной пыли и лепит из грязи куличики с абсолютно счастливым лицом, не задумываясь ни о своем почетном родстве с бароном, ни о правилах хорошего тона.

Меня такая жизнь вполне устраивала. Я относилась к тем самодостаточным натурам, кто не вглядывается в манящую линию горизонта и не вдыхает с волнением ветер странствий. Мечты их всегда остаются мечтами, не превращаясь в прожекты туманного будущего, и нет такой мысли, что туманила бы их глаза. Хотя надо заметить, что мое воображение было слишком уж живо для ребенка подобного положения и достатка. Наши соседи не доверяли мне выпас скотины, и иногда местные женщины с сочувствием говорили моей бабушке, что видят явные признаки ранней смерти на моем слишком задумчивом лице.

Бабушка меня не ругала, когда заставляла за бессмысленными мечтаниями, однако настороженно присматривалась – видимо, ее терзала мысль, что я все-таки пошла в батюшку и в один прекрасный день натворю дел. Иной раз она беседовала со мной, разъясняя на понятных даже мне примерах, в чем состоит различие между фанабериями и жизнью и как опасно забывать о существовании этой границы. Ее наставления не раз вспоминались мне в тяжелую минуту, и почти всегда в них находился ответ на терзающие меня вопросы, что характеризует бабушку в самом лучшем отношении.

До десяти лет в моей жизни не было ничего, кроме двора с лопухами, огорода и зимних вечеров перед очагом.

Никакой магии.

Все изменилось в один день, который я отчетливо помню. Была ужасная жара...

Глава 3, в которой рассказывается о первой битве Каррен Брогардиус с нежитью, а также объясняется, какое это имело отношение к дяде Бернару из Изгарда

Была ужасная жара. Ни малейшего ветерка, даже листья на старых тополях за курятником не шелестели. Такая погода редко стояла в Эпфельредде, и люди вконец измучились в этом душном пекле. Вот в Арданции, рассказывала бабушка Бланка, такая жара не редкость, но придворные дамы все равно умудрялись в полдень нацеплять на себя кучу нижних юбок, кринолин, корсет, еще какую-то ерунду со смешным названием – шемизетку, что ли? – и так прогуливались по парку, обмахиваясь веером.

«Вот уж глупость так глупость!» – размышляла я, лежа на покатой крыше курятника в тени тополей. На мне была надета рубаша с одним рукавом – второй я вчера умудрилась оторвать, преодолевая забор нашей соседки, у которой уродились хорошие яблоки, – и подвернутые штаны, откуда торчали мои голенастые, исцарапанные ноги. Башмаков у меня в то время не имелось, но мои ороговевшие пятки не испытывали из-за этого никакого неудобства. Терзания арданцийских дам были мне непонятны в корне.

Раздумывая о человеческих странностях, я изнывала от жары и мечтала о том, что после обеда пойду на речку, где буду купаться до посинения. Купание было самым любимым моим развлечением. Тогда я пребывала в том счастливом возрасте, когда барахтанье в воде голышом не является чем-то предосудительным. Мы с друзьями каждый день бегали гурьбой к омуту, что находился за огородами, – в прочих местах нашу речушку можно было перейти вброд, не замочив колен. Там мы, как истинные дети природы, бесились что водяные черти – прыгали с обрыва, ныряли и пытались друг друга утопить. В жару только омут был нашим спасением.

Под палящими лучами солнца у меня облупился нос, и руки сами тянулись ободрать спаленную тонкую кожу. После этого оставались некрасивые розовые пятна, напоминавшие о какой-то коросте. Я в очередной раз поймала себя за этим занятием и недовольно фыркнула. Не ковырять было выше моих сил – нос так и свербел. Я с ненавистью уставилась на свои руки и мстительно прищурилась. Неужто моя сила воли спасует перед какой-то чесоткой на носу?

– Ну уж нет! – произнесла я сердито. – Кто тут, по-вашему, главный?

И с этими словами запихнула ладони себе под живот. Так было вернее.

Пойти купаться я могла хоть сейчас. Из-за невыносимого зноя бабушка Бланка урезала мои обязанности до полива малины, смородины и помидоров. С этим плевым делом я справилась уже давно и была свободна как ветер. Уже и мои приятели прибегали, чтобы пригласить меня на речку, но я отказалась.

У меня было важное дело.

Около месяца назад в наших краях объявилась крылатая зверюга, в которой старожилы опознали гарпию, правда порядком измельчавшую. Эта тварь повадилась таскать кур, подрывая и без того шаткое экономическое положение нашего хозяйства. Вдобавок один дед с хутора авторитетно заявил, что эта крылатая зараза будет постепенно расти и на следующий год перейдет на коз, а затем и на детишек.

Известно было, что этот дед – большое трепло. Но я отнеслась к его словам с вниманием, потому как нашла в кладовой книжку, где описывался подобный случай. Правда, гар-

пия в этой истории начинала с детишек, а заканчивала тяжеловооруженными рыцарями, но общий смысл повествования я уловила. До детей мне дела особого не было (себя к таковым я не причисляла лет с восьми), а вот судьба нашей козы меня беспокоила.

В деревне никто не спешил поднимать панику. Из-за жары на людей навалилась апатия и лень. Гарпия, пока что не отличавшаяся чрезмерным аппетитом (те же коршуны утащили куда больше кур с нашего подворья), могла поселиться в курятнике старосты – до этого никому не было никакого дела. Я поняла, что действовать придется мне.

Томясь в духоте своей комнаты во время очередного наказания за очередной проступок, я разработала план действий, затем провела некоторую подготовительную работу и приступила к воплощению своего замысла в жизнь. Если бы не жара, я бы даже испытывала от этого удовольствие. Охотиться на гарпию было куда интереснее, чем пряхсть кудель или перебирать чечевицу в кладовой.

Мой план включал в себя такие составляющие: самая старая курица, привязанная за ногу около курятника; кусок рыболовной сети, украденной мною вчера вечером из пруда; увесистое полено.

Ясно, что мои намерения по отношению к гарпии были самые что ни есть кровожадные.

После обеда я забралась на крышу курятника, положила рядом с собой сеть с поленом и принялась ждать. Несмотря на тень от старых тополей, растущих у нашего двора, мне было очень жарко. Казалось, что подо мной кто-то развел костер и полусгнившая солома, покрывающая крышу, вот-вот начнет тлеть.

Гарпия, словно издеваясь, не показывалась.

Курица от жары совсем оглупела, наполовину закопалась в песок, вяло подгребая под себя пыль лапами, и выглядела настолько малоаппетитно, что на нее даже трупоед бы не позарился. Я тоже разомлела, растянулась на животе и боролась со сном из последних сил. Тут окно кладовки, выходящее во двор, распахнулось настежь, и зычный голос моей бабушки нарушил сонно-мертвую тишину двора:

– Каррен, где твоё платье с воротником?!

Меня от возмущения даже подбросило вверх. Все подготовительные работы насмарку!

– Ну что ты кричишь?! – заорала я в ответ. – Я же в засаде!

Голова бабушки, увенчанная сложной и крайне туго заплетенной косой, повернулась в мою сторону.

– Что за тон, юная дама? – назидательно промолвила она. – Разве так подобает разговаривать со старшими? Особенно с бабушкой, которая может всыпать розог?

– Извиняюсь, – буркнула я.

Это было сказано только ради проформы – выбить из меня искреннее извинение было не так просто. Но в тоне бабушки я не уловила той пресловутой ноты, которая заставила бы меня отнестись к ее словам серьезно. Соответственно и она не обратила внимания на явно наглый тон моего извинения.

– Где то платье, что я сшила осенью? – повторила свой вопрос бабушка.

– В ларе, что под старым тюфяком в полоску, – ответила я. – А что такое?

– Ах да... – И голова бабушки тут же исчезла из оконного проема.

Я заподозрила неладное:

– Бабуля, зачем тебе платье?

Ответа не последовало. До меня донесся глухой шум падения чего-то большого, но мягкого, затем грохот откинутой крышки, скрип заржавевших петель и громкое бабушкино чихание. Из окна чинно выплыла сизая тучка пыли, вспыхивающая редкими искорками в солнечных лучах.

Но меня уже нельзя было сбить с толку. Платье, о котором шла речь, я надевала всего единожды, когда бабуля заставила меня посетить службу в местном храме в качестве наказания за разбитое фарфоровое блюдо, бережно хранимое в память о какой-то бабушкиной кухне. Оно – платье, не блюдо – было темно-синего цвета, по подолу украшено несгибаемым рюшем, в который словно проволоку вставили, а рукава – о ужас! – имели форму фонариков. Я отчетливо помнила, как кусался кружевной воротник, заставляя меня ерзать на жесткой деревянной скамье, как косились на меня остальные добропорядочные прихожане и как тогда я возненавидела и храм, и платье, и все человечество. Больше случаев надеть это орудие пытки не представилось, чему я была только рада. Но теперь платье зачем-то понадобилось бабушке! Неужели меня снова ждет поход в храм? Но за что?!

– Бабушка, ответь мне! На... для чего тебе понадобилось платье?! – В то время я частенько сквернословила, приводя бабушку в состояние сильнейшего гнева, поэтому приходилось следить за своей речью.

В окне вновь показалась бабушкина голова, припорошенная пылью. Она принялась деловито трепать мятую синюю тряпку, в которой я без труда узнала то самое платье. Работу эту она выполняла весьма сосредоточенно, из чего я сделала вывод, что мой вопрос она прекрасно расслышала.

– Бабушка, – мрачно позвала я ее, постаравшись вложить в свой голос оттенок угрозы.

Она еще немного потрепала платье, придирчиво осмотрела его и покачала головой. Затем поковыряла пальцем пятно на подоле – в кладовой водились мыши – и вновь принялась исследовать мерзкое одеяние. И лишь когда мои глаза от сдерживаемого крика стали круглыми, как у филина, она снизошла до ответа.

– Завтра мы отправляемся в Изгارد, – сообщила мне бабушка, словно это было самой обыденной новостью в мире. – Нас подвезут в Артанд, к почтовым дилижансам. Твоего дядю Бернарда я уже предупредила, он ждет нас.

От этой информации у меня даже дыхание сперло.

– Зачем нам в Изгارد?

Бабуля пожала плечами, словно досадуя на мою непонятливость.

– Ну надо же как-то устраивать твое будущее, – буднично, словно речь шла о собирающемся дождике, пояснила она и скрылась из виду.

Я онемела, чувствуя, как от желания высказаться меня просто распирает изнутри. Но слов было так много, что я не могла решить, какое из них будет первым, и оттого лишь судорожно хватала воздух ртом. Едва я определилась и приготовилась заорать «Что?!», как резкий противный крик, наподобие ястребиного, огласил наш двор.

Резко повернувшись, я успела заметить, как мелькнула над деревьями крылатая тень. Курица, доселе убедительно изображавшая падаль, с диким кудахтаньем попыталась скрыться в курятнике. Но крепкая бечевка пресекала все ее попытки.

Гарпия без всякой суетливости сделала круг над двором, словно приглашая всех присутствующих полюбоваться мастерством летуны. Я впервые видела ее вблизи и невольно скривилась от отвращения. Больше всего крылатая зверюга напоминала бурдюк, в который воткнули два кожистых перепончатых крыла, диаметрально противоположно которым располагались две когтистые лапы, а сбоку была прилеплена голова на тонкой длинной шее. Тело ее было покрыто редким рыжим пухом, который в месте сочленения с шеей образовывал пышное жабо.

Хищница была невелика – с крупного ястреба, но сразу становилось понятно, что справиться с ней будет не так-то просто. Самое пристальное мое внимание привлекла клюво-пасть, в которой даже на расстоянии можно было разглядеть ряды отборнейших зубов, мелких и блестящих. Ясно было, что если эта тварь угрызет меня за руку или ногу, то мало не покажется.

От воплей курицы, осознавшей свою роль в моем плане, просто уши закладывало. Бабушка, чье внимание привлекла эта неистовая какофония, выглянула в окно. Увидев гарпию, она охнула и швырнула в нее веником.

Зверюга хрипло квакнула, словно насмехаясь над ее жалкой атакой. Ясно было, что из-за слабого сопротивления местных жителей гарпия предельно обнаглела.

Я, забыв о треклятом платье и прилагающейся к нему поездке в Изгард, замерла на крыше в растерянности. К стыду своему, я испытала ту самую предательскую слабость в коленях, о которой терпеть не могла читать в книгах. Почему-то мне и в голову не приходило, что и я буду подвержена такому же малодушию. Гарпия презрительно покосилась на меня, заложила еще один плавный вираж и лениво спланировала к отчаянно бьющейся курице. Та от ужаса принялась орать еще громче.

Хищница растопырила крылья, снижаясь, ее когти жадно скрючились, готовясь вцепиться в тело жертвы... И тут я опомнилась.

У нас к тому времени в хозяйстве оставалось всего шесть кур. Если гарпия схватила бы шестую, то их стало бы пять. Пять – это меньше, чем шесть, и яиц соответственно тоже будет меньше. Эта простая арифметика промелькнула у меня в голове, и я мысленно услышала гневный бабушкин голос, который отчитывал меня и грозил немедленной поркой за утрату лучшей несушки.

В том, что после своей гибели эта курица будет признана лучшей, сомневаться не приходилось.

Итак, я схватила полено, лежавшее у моих ног, и изо всех сил метнула его в гарпию, которая почти схватила курицу. Меткость моя была удивительна – сбить гарпию в полете, да еще так точно, было делом невероятным. Но факт остается фактом – зверюга истерически взвыла и шлепнулась на траву.

Я, издав воинственный вопль, спрыгнула на землю и ухватила стоящую под курятником тяпку. Не успев опомниться, гарпия получила с дюжину ударов по спине и голове – я молотила ее без передышки. От такого напора она растерялась, визгливо заквакала и неуклюжими прыжками помчалась к забору. Одно крыло, видимо перебитое, она волокла за собой.

Держа тяпку, словно рыцарское копье, я устремилась за ней. При этом я улюлюкала и свистела, как варвар-северянин. Когда перед гарпией возник ряд кольев, она в растерянности остановилась и попыталась взлететь, но крыло ей не повиновалось.

– Ну, задница крылатая, будешь еще кур таскать?! – заорала я и пнула гарпию пониже спины что было сил.

Гарпия отчетливо икнула и по красивой дуге перелетела через забор. По звонкому плюханью я определила, что приземлилась она аккуратно в канаву, отделявшую наш двор от крестьянских огородов.

Свое славное деяние я сопроводила забористым выражением, которому научилась позавчера от одного своего приятеля. Вряд ли гарпия могла оценить всю глубину этой метафоры, однако не сказать ей этого напоследок я просто не могла.

– Всемиловитые боги! – охнула какая-то баба за забором, из чего я сделала вывод, что мои слова услышала не только гарпия.

– Вот, – назидательно сказала бабушка, когда я, растрепанная и красная, тяжело дышащая, но довольная, подошла к крыльцу. – И ты еще будешь со мной препираться! Поездка в Изгард просто необходима! Я не желаю видеть, как моя внучка превращается в существо, способное напасть на гарпию с тяпкой и при этом выражаться, как извозчик. Тебе не место в этой дыре. Такой образ жизни действует на тебя разлагающе. Я вижу, куда движется дело. Сначала гарпии, потом мантикоры с волкодлаками... А затем ты нацепишь на себя шкуру какого-нибудь зверя, убитого и освежеванного тобой собственноручно, заткнешь за пояс фамильный кинжал и заявишь, что хочешь податься в воительницы! И я не смогу ничего

с этим поделаться – у нас в семье уже были подобные случаи. Я и подумать не могла, что ты унаследуешь эту черту от прабабки Гизельды. Нет, пока я жива, этого допустить нельзя! Только Изгард! Ты из тех людей, которые необратимо дичают вдали от цивилизации...

И с этими словами бабушка снова скрылась из виду. Я еще успела услышать, как она бормочет себе под нос: «Анрио, должно быть, переворачивается в гробу! С тяткой на гарпию! Крылатая задница!..»

Я с досадой швырнула тятку в лопухи. Огорчение бабушки мне было непонятно и оттого раздражало вдвойне. А тут еще выходит, что и батюшка должен от моего вида ворочаться в могиле. Из-за чего, спрашивается? Я только что избавила деревню от напасти, героически сразилась с чудовищем... И ни слова благодарности! Неужели из-за бранных слов, которые я не смогла удержать при себе? Быть может, если бы я вступила в бой, вооруженная подобающим оружием и не честила гарпию по матушке, это бы произвело более благоприятное впечатление? Ведь все герои идут на монстров с мечом или арбалетом, о чем даже песни потом слагаются...

Эту версию стоило обмозговать. Так, значит, в доме имеется семейный кинжал? Как же это я его раньше не нашла...

Вот так я и отправилась в свое второе путешествие, даже не успев добраться до того самого кинжала. Путешествие это было ничем не приятнее первого. Точно так же я сидела на телеге, свесив ноги, на этот раз обутые в тупоносые башмаки с огромными пряжками, и разглядывала дорожную пыль. Вдоль дороги тянулся лес, над дорогой тянулось небо, и ровным счетом ничего приятного ни по сторонам, ни над головой я не видела. Было очень жарко.

Потом мы прибыли в Артанд, средней руки городишко, давший название целой провинции. Ничем особым он похвастаться не мог: деревянные дома, кучи мусора на мостовой и свиньи в грязных лужах. Но я до того никогда не видела города, и даже артандские улицы меня поразили. Столько народа я не видела за всю свою жизнь. Никто не здоровался друг с другом, все куда-то торопились и ровным счетом ни на что не обращали внимания.

Я разглядывала яркие вывески лавок, наряды встречных, черепицу на крышах и постепенно осознала, что действительно многого еще в этом мире не видела.

– Это еще что, – сказала бабушка, заметив мое вытянувшееся лицо. – Вот приедем в Изгард, увидишь, что такое город!

И мы поехали дальше; в полдень в Изгард отправлялся дилижанс. В душном и тесном дилижансе немилосердно трясло, но во мне уже зажглась искра любознательности, на которую так уповала бабушка.

До Изгарда мы ехали два дня. Я чувствовала, что еще немного, и я не выдержу этой тряски. Когда мы наконец прибыли и я выбралась из темного нутра дилижанса, мне показалось, что и мостовая подо мной трясется.

– Скоро ты увидишь своего дядю! – преувеличенно радостно сказала бабушка, и меня тут же посетило подозрение, что дядюшка нам рад отнюдь не будет. – Его зовут Бернардом, он брат твоего покойного отца, – рассказывала бабушка, пока мы шли по узкой, вымощенной камнем улице. – У него есть двое детей – твои кузены. Мари старше тебя на год, ты ее, быть может, и помнишь, а Ивэнсу сейчас шесть. Жену дяди Бернарда зовут Вивиана. Вот посмотришь, тебе они понравятся!

Я вертела головой по сторонам, не слишком вслушиваясь в бабушкины слова, и не уставала поражаться. Вокруг творилось что-то потрясающее!

Десятки людей шли вместе с нами по улице, обгоняя нас, толкаясь и подозрительно косясь, если я начинала слишком уж пристально рассматривать их одежду. Иногда раздавался окрик, люди расступались, пропуская богатую карету, и шли дальше как ни в чем не

бывало. То ли дело я! Бабушка только и успевала, что дергать меня за руку, не давая угодить под копыта лошадей. Потом я увидела стражников в ярких мундирах и сверкающих кирасах. Они были настолько важными, что я даже притихла на время, тем самым облегчив жизнь бабушке на пару минут.

Раньше я и не знала, что на белом свете существуют настолько яркие, красивые наряды – в нашей деревне одежду шили из грубого домотканого полотна, а уж кожаная куртка считалась признаком зажиточности. Тут же в глазах рябило от красного и зеленого бархата, золотой парчи и белоснежных кружев. Попадались, конечно, навстречу нам и серо-коричнево-черные люди, которые ничем не привлекали мое внимание, – то ли дело галуны стражников!.. Но когда я задрала голову вверх, то воспоминания о стражниках и их мундирах сразу поблекли. На балконах богатых домов сидели, обмахиваясь веерами, сказочно красивые девушки и разглядывали прохожих, о чем-то беседуя друг с другом со звонким, серебристым смехом. На их головках сияли драгоценные уборы, а белоснежные плечи были укутаны в прозрачные ткани, которые на ярком солнце горели тысячами искорок. Казалось невероятным, что эти эфирные создания состояли из таких же грубых материалов, что и я.

– Это благородные барышни, – сказала бабушка и прибавила: – Нечего на них так глядеть! По твоим вытаращенным глазам и последний идиот поймет, что мы провинциалы!

Я едва успела отвести взгляд от этих сказочных принцесс, как бабушка с совершенно провинциальным воплем дернула меня за руку. Я только и успела услышать перепуганные и возмущенные крики прохожих, как мимо нас вихрем пролетел всадник на черном коне в роскошной сбруе. Я заметила, что он был гладко выбрит, в отличие от прочих виденных мною мужчин, молод и очень бледен.

– Проклятые чародеи! – проорал какой-то прохожий, не успевший вовремя увернуться и теперь восседающий на груде отбросов, словно на троне.

– Это был чародей? – удивленно воскликнула я.

– Именно, – отозвалась бабушка, недовольно поджав губы. – Вот уж наглецы! Никто им не указ. Чернокнижники! У нас в Арданции ему бы не поздоровилось. Живо бы Инквизиция нашла на этого колдуна управу!

Бабушкино возмущение мне было понятно, даже в то время я знала, что чародейство во многих королевствах объявлено вне закона. Инквизиция уже потеснила магов на юге и в Средних королевствах, но здесь, на варварских западных землях чародеи чувствовали себя вольготно, по-прежнему являясь наперсниками королей и князей. Конечно же моя бабушка, привыкшая на родине к тому, что днем мага можно увидеть только по пути из тюрьмы на костер, была вне себя от ярости. Она ускорила шаг и забормотала молитвы, волоча меня за руку. Я выворачивала голову, упиралась обеими ногами, но чародея уже и след простыл. А мне так хотелось рассмотреть его поближе! Я-то уже не являлась коренной арданцийкой, как ни крути, и просто обожала баллады про подвиги чародеев, которые так часто пели бродячие певцы.

Как же мне нравился большой город! Все было так ярко и необычно!

Вскоре мы пришли к дому дяди Бернарда. Моя провинциальная челюсть снова отвисла. Это был совершенно сказочный домик, крытый не соломой и даже не дранкой, а самой настоящей черепицей! Нет, в Изгарде все дома были крыты черепицей, но то, что мой собственный дядюшка живет в таком богатом особняке (тогда все двухэтажные строения казались мне особняками), меня просто поразило. Вслед за бабушкой я вошла в двери, которые нам открыла служанка в белоснежном переднике. Но даже мое экзальтированное состояние не помешало мне заметить то презрительное выражение, которое приобрело ее лицо, едва она только разглядела нашу пыльную одежду.

Точно такое же выражение появилось и на лице тетки Вивианы, которая спустилась вслед за дядей Бернардом в гостиную, где мы с бабушкой робко сидели на диване.

Едва я только увидела дядю Бернарда, как сразу решила, что мой отец был на него похож. Мне хотелось бы думать, что у него был такой же благородный вид и гордая осанка отставного военного. А вот тетка Вивиана мне не понравилась – крупная, холеная дама с опущенными уголками рта, отчего казалось, что она даже дышать одним со мной воздухом брезгует.

Бабушка бросилась обнимать дядю Бернарда, я же осталась сидеть на месте, не зная, куда себя приткнуть. Тетка Вивиана, тоже сомневающаяся, как ей следует поступить в этой ситуации, рассматривала меня с таким выражением лица, будто решала, что лучше со мной сделать – зажарить или сварить.

Затем бабушка, вспомнив о правилах хорошего тона, представила меня им, и я удостоилась двух вежливых, но весьма холодных кивков. После этого я была выдворена из гостиной на кухню, где я наконец-то смогла утолить зверский голод, терзавший меня все время нашего путешествия. Бабушка же вместе с дядей и его женой осталась в гостиной.

Я изнывала от нетерпения и любопытства. Ясно было, что там говорят про меня. Что именно они говорят? Как со мной поступят? Быть может, мы с бабушкой останемся пожить здесь? Вот было бы здорово!

От раздумий меня отвлекло появление невысокой светловолосой девочки в бледно-розовом платье – моей кузины Мари.

Она растерянно смотрела на меня, явно сомневаясь в том, умею ли я говорить или нет. После продолжительного молчания я решила, что это уже неинтересно, и со всем доступным мне радушием промямлила что-то вроде «здрате». Кузина нервно обняла меня, явно сознавая всю нелепость происходящего, и предложила осмотреть дом. Я согласилась, понимая, что иначе снова наступит глупое молчание, способное испортить аппетит даже мне.

Итак, я брела за Мари, на ходу дожевывая бутерброд с сыром, и таращилась на ее изумительное платье. Оно совсем не походило на мое, и в душу мою закралось сомнение: а так ли уж хороши штаны с рубашкой, по которым я так тосковала? Раньше я даже при слове «платье» презрительно кривилась. Но тогда я и не знала, что платья – это не просто длинный подол с кусачим воротником. Вот бы и мне примерить такой наряд, как у кузины...

– А тут у нас портреты всех родственников, – между тем говорила Мари, с опаской косясь на меня. – Вот портрет тети Люцинды из Каллесворда, вот она же со своей дочерью Катрин, вот дядюшка Вольдемар, вот тетка Алисия, вот тетка Хельга...

Я с интересом разглядывала важные, холеные лица, с которыми, оказывается, состояла в родстве. Все они были изображены в величаво-спокойных позах, восседавшими в креслах либо же на диванах с бархатной обивкой, и одеты соответствующе. Кузина Катрин, например, по виду – моя ровесница, была наряжена в совершенно кукольное голубое атласное платье, которое оттеняло ее пепельные волнистые волосы. Кузина Диана, совсем маленькая девочка, щеголяла ярко-красным бархатом с золотым галуном, а тетка Алисия, ее мать, просто сияла от обилия украшений. И можно понять мое потрясение, когда после очередного портрета с тщательно выписанными бархатом, золотом и драгоценными камнями моему взгляду явилось нечто растрепанное, серо-бурое и ссутуленное. Только чудом я успела сдерживать недоуменное восклицание, потому что с опозданием поняла: эта неопрятная, лохматая и запыленная девчонка с угрюмым взглядом – я. Да, это я – бледная, некрасивая, с запавшими от усталости глазами, в уродливейшем из всех когда-либо существовавших платьев, стояла напротив огромного зеркала и таращилась на свое отражение.

Раньше я не видела таких зеркал, настоящее зеркальное стекло было очень дорогим, и в провинции даже в богатых домах довольствовались простыми серебряными или медными, я же могла пользоваться разве что надраенной до блеска кастрюлей. И вот я наконец увидела, отчетливо и во всех подробностях, что из себя представляю. Да уж, радоваться тут было нечему.

«Угроздило же...» – печально подумала я, изучая свое отражение. Мари покосилась на меня, заметив мое кислое лицо. В ее взгляде без труда можно было прочитать: «Слава богу, что я не такая». В ответ я презрительно вздернула нос и подумала, что в таком ужасном платье, как мое, и она бы выглядела как чучело. А в целом – что во мне плохого? Не горбата, не коса, не ряба... Еще не хватало нюни перед этой ангелоподобной кузиной распустить!..

Но в душе, конечно, я была уязвлена.

Потом бабушка забрала меня из кухни, куда с облегчением вернула меня кузина, и отвела наверх. Нас поселили в совершенно изумительной комнате, где над кроватью был настоящий балдахин, как у принцессы из сказок. Бабушка ничегошеньки мне не рассказала про свою беседу с дядей Бернардом, и я едва смогла уснуть, все не переставая думать о проклятом зеркале.

Мне снились те девушки, с балкона. Их драгоценности так сверкали, что у меня даже слезы на глаза наворачивались. Они, смеясь, показывали на мое запыленное платье и грубые туфли белоснежными пальчиками, униженными кольцами. Сквозь сон я чувствовала, как по лицу у меня бегут горячие слезы.

Даже полному олуху было ясно, что это сновидение не просто так, а со смыслом и меня ждут большие испытания. Я немного умела толковать сны и пришла к выводу, что грядут перемены к худшему, сопряженные с неудачами. По меньшей мере должна была испортиться погода.

Утром, когда я проснулась, бабушка уже была одета и готова отправиться в дорогу.

– Ну, Каррен, – сказала она, – веди себя хорошо. Не огорчай дядю Бернарда, дружи с Мари и Ивэнсом. Помни, что ты тоже воспитанная девочка. Ах да! Не вздумай употреблять тут те слова, от которых мне было дурно в Артанде. Я-то привыкла к твоей лексике, но вот Бернарда может удар хватить, он всегда был помешан на правилах хорошего тона. Упаси тебя Бог вытирать руки об скатерть! Не ковыряйся в носу.

Я хватала воздух ртом, не в силах произнести ни слова.

– ...даже думать забудь о штанах. Босой по дому не ходи. Читай побольше книг, может, это хоть как-то расширит твой кругозор, а то мне иногда не верится, что я могла воспитать такого варвара, – продолжала бабушка. – Учиться ты будешь вместе с Мари, поэтому постарайся не ударить в грязь лицом и слушай учителей. Кроме всего прочего, ты будешь обучаться танцам и игре на музыкальных инструментах, как полагается воспитанной барышне, так что...

– Чего?! – прорвало меня.

Ужасное видение посетило меня: *я учусь играть на лютне*. Или на фортепиано.

– Так что, – повысила голос бабушка, – не вздумай заявить, что ты не хочешь или не будешь. Ты будешь танцевать, даже если дяде придется тебя пороть каждый божий день. И вышивать ты тоже будешь. Не кривись! Я привезла сюда дикое, полуграмотное существо неопределенного пола. К твоему совершеннолетию я надеюсь увидеть здесь воспитанную девицу, которую не стыдно вывести в люди. Ты будешь достойна той фамилии, которую носишь! И никак иначе!

И я впервые почувствовала приближение *настоящей* беды. Фантазии у меня вполне хватило, чтобы представить, каково мне будет жить в чужом доме.

Так начались самые несчастные три года в моей жизни. Да, впоследствии мне пришлось пройти через множество жизненных неурядиц – доводилось голодать, тяжело работать, терять сознание от усталости, воровать кусок хлеба, чтобы протянуть еще пару дней, а потом, сцепив зубы, терпеть за это унижительную жестокую порку, но даже тогда мне не было хуже, чем в доме дяди Бернарда.

Особенно не любила меня тетка Вивиана, что моментально почувствовали слуги и не замедлили этим воспользоваться. Я ощущала себя военнопленным, которого кормят и одевают, однако при этом только и ждут, чтобы казнить по законам военного времени. Я была никто и ничто, жалкая нахлебница и деревенская дурочка.

А на исходе третьего года моего пребывания в дядюшкином доме началась война с Аале. Аальские войска вошли в Артанд сразу же, не встретив особого сопротивления. Дядюшка Бернард очень переживал за бабушку и даже хотел забрать ее из этого «крошечного ада», как он выразился. Но он не успел воплотить в жизнь свою «бредовую идею», как выразилась тетка Вивиана, артандские беженцы принесли грустную весть – усадьба сожжена дотла и бабушка погибла.

Мое положение в доме стало очень шатким.

Если раньше дядюшка Бернард меня защищал, чувствуя ответственность перед бабушкой, то теперь он без этого самого чувства ответственности стал куда более уязвимым и мягким. Тетка Вивиана и день и ночь доказывала ему свою правоту в отношении меня, доводя дядюшку до белого каления.

Переломный момент в моей жизни наступил вечером, аккуратно перед зимними праздниками. Я тайком забралась в библиотеку и читала, спрятавшись за портьерой. И конечно же именно в это время дядюшка Бернард с женой пришли туда обсудить, как же со мной поступить.

Я сидела, закусив губу, и слушала, как они решают мое будущее.

– Бернард, взгляните правде в лицо! – Тетка Вивиана была не на шутку зла. – Что вы собираетесь делать с этой сироткой? Ей уже тринадцать лет! Еще два года, и придется думать, за кого ее отдавать замуж. И добро бы была она красавицей! А так кто ее возьмет без приданого? Пока за ней числилась эта развалюха в Артанде, еще куда ни шло. А теперь?

– Но, Вивиана... – жалобно отвечал дядюшка, не выказывая никакого желания бороться. – Мы же не можем вышвырнуть ее из дома, как собаку! Она моя племянница. И матушка очень ее любила...

– Так какого дьявола она привезла ее сюда и оставила нам? Вместо двух детей, на которых нам едва хватает денег, мы должны содержать еще и вашу племянницу, которая непонятно откуда свалилась нам на голову! Я до сих пор не могу понять, как вы на это согласились. Пошли на поводу у своей матери! Это же глупо! И ваша матушка, упокой боги ее душу, уже ничего не поделает. Я еще раз вам повторяю: в нашем доме ей не место. Вы присмотритесь к ней, Бернард! Это же настоящая деревенщина, которая даже шагу ступить не может, чтобы не опрокинуть что-нибудь. Кто на ней женится просто так? Учитель танцев после каждого урока с ней пьет отвар пустырника, а ее вышивки даже на полотенце не годятся. К музицированию даже малейшей склонности нет. Ей же только вилами навоз чистить в стойлах, а не на флейте играть. А как она смотрит? Дикие, тупые глаза, точь-в-точь как у коровы. Я вижу, она негативно влияет на Ивэнса! Вчера он зачем-то полез на яблоню в палисаднике и порвал штаны. Я вас спрашиваю: приходили ли в голову вашего сына подобные идеи до появления в доме этой деревенской дурочки?

Дядюшка покорно слушал, потом снова сделал слабую попытку:

– И как я должен, по-вашему, поступить? Вывезти ее в лес и бросить в овраг?

Тетка всплеснула руками:

– Не притворяйтесь, что не понимаете меня! Мы не единственные ее родственники!

– Я уже пробовал, Вивиана. И вы это знаете. Никто из моих братьев и сестер не соглашается взять Каррен к себе.

Тетка опять всплеснула руками – у нее этот жест свидетельствовал о крайнем раздражении.

– Ну вот! И вы еще мне что-то доказываете! Никто не соглашается, а вы *должны!* Хорошо, в таком случае отдадим ее в какую-нибудь школу при женском монастыре. И то дешевле! Ее научат вышивать, прясть и выдадут замуж за какого-нибудь идиота – проблема решена. Причем монастырь надо выбрать подальше от Изгарда. Например, в Каллесворде. И только попробуйте мне возразить! Завтра же я узнаю, куда лучше ее отправить, и мы вздохнем спокойно. Пусть Божий промысел устроит ее судьбу, а не мы.

Дядюшка Бернард тяжело вздохнул:

– Хорошо, дорогая. Но не будем ей пока ничего говорить. Это сложный ребенок, бог знает, как она это воспримет.

Я восприняла это серьезно.

...Я знала, что такое школа при монастыре. Все-таки круг моих познаний существенно расширился за то время, что я жила в городе, тут бабушка была права.

У Мари была подруга, не слишком близкая, но все же регулярно писавшая ей длинные письма. Эту девочку угораздило попасть в монастырь – она была пятой дочерью в семье. Через год она умерла от чахотки, которая свирепствовала в сырых и холодных комнатах, где жили воспитанницы. Говорили, что даже в тюрьме выжить легче, потому что кормят там не в пример сытнее и не соблюдают посты. Кроме всего прочего, в то время я совершенно не хотела замуж – ни через два года, ни через десять.

В своей комнате я осмотрелась, перевела дыхание и попыталась мыслить разумно. Конечно же мне понадобятся деньги. Кое-что у меня есть, но для бегства этого мало. Можно взять драгоценности Мари, но тогда меня будут искать. А я не хочу, чтобы меня искали. Я хочу никогда больше не встречаться с моими родственниками.

И я принялась складывать свои вещи в сумку. Перетряхивая шкатулку с нехитрыми безделушками, я увидела медальон с портретом матушки. Как всегда, с миниатюры на меня холодно глядели яркие глаза холеной красавицы, совершенно не похожей на меня. Повинуясь какому-то необъяснимому побуждению, я надела медальон. Может быть, мне показалось, что он поможет мне в тяжелую минуту?..

Я уже упоминала, что в то время имела склонность к некоторой мечтательности.

Во время ужина я вела себя самым обычным образом, чтобы не вызвать подозрений. Дядюшка и тетка уступали мне в актерском мастерстве – слишком уж довольной была тетка Вивиана, и слишком упорно отводил взгляд дядюшка Бернард.

После трапезы все разошлись по своим комнатам. Я дождалась, когда в доме все стихнет, и вылезла через окно. При мне было несколько крон – пять или шесть, уж и не вспомню точно, и что-то из еды. Я не имела ни малейшего понятия, куда же мне направиться и что делать дальше. Смешно.

Не знаю, искал меня кто-нибудь или нет. Наверняка тетка вздохнула с облегчением, когда узнала о моем побеге, – не надо было тратить деньги на оплату моей учебы. В конце концов, мое решение устраивало всех. Я уверена, что никто особо не переживал по поводу моего исчезновения. С тех пор прошло уже много лет, но я никогда больше не видела ни дядюшку Бернарда, ни тетку Вивиану, ни Ивэнса, ни Мари. Думаю, они по этому поводу также не печалились.

Глава 4, в которой Каррен узнает на собственном опыте, что приключения в канун праздников – не самое приятное дело, и знакомится с миром чародеев изнутри

Ах, как же я любила зимние праздники! Что-то светлое и радостное спускалось на землю в эти дни, и мелкие беды на время забывались. Дух праздника витал повсюду – и в запахе марципанов, которыми украшали елку, и в песнях, которые распевали дети у крыльца, и в огнях свечей, горевших особенно ярко, и в морозных узорах на окнах...

Дома, в Артанде, мы с бабушкой Бланкой всегда пекли пирог на зимний праздник, а затем я разносила по ломтю этого чудесного пирога соседям, с трудом пробираясь по глубоким сугробам. И кататься на санках можно было хоть целый день – никто не кричал, что надо помогать по хозяйству, а не тратить время на глупые забавы.

У дяди Бернарда праздники проводили совсем иначе – все вкусности готовила кухарка, а елку полагалось наряжать старшим, чтобы мы, дети, замерли с открытыми от восхищения ртами, увидев сияющее десятками огней дерево. Под елкой в ярких коробках лежали подарки, разумеется, только самые желанные и заветные.

Но их надо было еще заслужить.

Конечно же здесь не надо было весь год доить корову или прясть кудель. Никто про это и слухом не слыхивал – детям всего лишь полагалось участвовать в веселой праздничной мистерии, которой руководили гувернантки и домашние учителя. У нас собирались все-все друзья и подруги Ивэнса и Мари, каждому из которых находилась какая-нибудь роль. Дом дяди Бернарда на праздники становился театром, куда сходилась множество друзей и знакомых, чтобы посмотреть, как их отпрыски старательно разыгрывают новую сказку. Даже я втайне любила эти праздничные представления, хотя роли мне доставались самые гадкие – то колдунья, то старуха, то дерево.

В этом году мне досталось вполне достойное место в хоре, который исполнял целых три гимна и старательно репетировал их еще с середины осени.

Я шла по пустынной темной улице, кутаясь в тонкий плащ, и думала, что это представление наверняка будет иметь сумасшедший успех и никто даже не заметит, что в хоре стало на один голос меньше. Будет праздничный ужин, будут подарки, а мне не достанется ничего. Потому что у всех детей, которые придут на праздник, есть дом и семья, а у меня нет. Я была никому не нужна в канун самых веселых праздников в году.

Как же ужасно я себя чувствовала!

Никогда я еще не бывала в городе ночью и до этого подумать не могла, что шумный, веселый Изгард может быть таким страшным. Черные громады домов нависали надо мной, а с неба сыпался снег, невидимый в темноте, но ледяными прикосновениями оседающий на моем лице. Идти становилось все труднее – снегопад был сильный.

У меня очень замерзли руки и ноги. Мороз был хоть и не трескучий, но все равно крепкий. А у меня не было при себе рукавиц, да и туфли мои не могли служить препятствием для ночной стужи. Ох, как быгодились сейчас зимние сапожки, которые мне должны были подарить на праздник!

Изгард я за три года немного изучила, но в темноте понять, где я сейчас нахожусь, не представлялось возможным. Фонарей здесь не было, людей тоже, и приходилось просто брести вслепую. Я понимала, что если сейчас остановлюсь, то попросту замерзну насмерть

и завтра мое окоченевшее тело найдет какой-нибудь горожанин, который будет долго еще сокрушаться, что это печальное происшествие испортило ему праздник.

Потом я заметила впереди свет. Похоже, там пылал большой костер, около которого я смогла бы согреться. Тепло, обжигающее тепло и трескучие головешки! Это было бы настоящим чудом, о котором так любят рассказывать на зимние праздники! Я приободрилась и поспешила туда, увязая в снежных заносах.

Свет становился все ярче и ярче, и вскоре я вышла к костру, естественно, не обратив внимания, что домов вокруг стало куда меньше, да и улица плавно перешла в пустырь.

Вокруг огня грелось несколько человек, в которых даже мой неискушенный ум опознал висельников и злодеев. Я сделала слабую попытку отступления, но тут меня заметили.

– А кто это к нам зашел на огонек? – протянул противным голосом один из них.

– Надо же, кто ходит ночью по улицам! – фальшиво удивился второй.

Я хотела было бежать, но меня ухватили за шиворот, словно шкодливого котенка, и отвесили пару подзатыльников, от которых я осела в снег, оставив всякие мысли о сопротивлении.

– Хорошим девочкам здесь делать нечего, – сообщил мне один из злодеев.

Я почувствовала, что у меня из носа пошла кровь, и запоздало согласилась с этим утверждением.

– А ну-ка посмотрим, что эта мамзель носит при себе, – тем временем сказали над моей головой, и мои пожитки покинули меня.

Я попыталась подняться, но хороший тычок заставил меня покатиться кубарем, отчего в глазах у меня потемнело. Что-то на мгновение впилося мне в шею, и я вспомнила про медальон, который надела впервые в жизни. Потом давление резко ослабело, и я догадалась, что цепочка лопнула. Ощупав шею, я убедилась, что медальона больше нет. Видимо, роль талисмана была слишком ответственна для него. Да и чего можно было ждать от побрякушки моей беспутной матушки?..

– Так-так-так, – деловито произнес грабитель, потроша мой узел. – Что у нас тут имеется? Денежка, еще денежка... Маловато что-то. А вот колечко, жиденькое, но золотое. Ну, хлебушек нам тоже сгодится, да и эта вот безделушка... Если ты в бега собралась, барышня, то плохо подготовилась. На эти вот гроши и неделю не протянешь. Да уж, поживиться тут нечем! Дай гляну на твои башмаки...

Меня дернули за ногу, но я даже не нашла в себе силы, чтобы протестующе пискнуть.

– И туфли твои дрянь! – с разочарованием вынес вердикт грабитель. – Разве ж в таких туфлях зимой ходить? Ей-богу, ноги отморозишь, да и только. Жаль, размерчик маловат – подарил бы крошке Марте, ну той, рыжей...

От отчаяния и страха я заплакала, размазывая по лицу кровь. Вот тебе и побег, вот и приключения. Ну почему в книгах не пишут, что не успеешь ты от дома отойти, как тебя тут же ограбят, разуют, да еще и посмеются...

Тут меня снова ухватили за шкирку и встряхнули. Я зашморгала носом с удвоенной силой.

– А сколько тебе годков, барышня? – с затаенной надеждой осведомился грабитель, видимо так и не сумев разобраться в этом сложном вопросе из-за моей перепачканной физиономии.

– Тринадцать, – едва слышно ответила я.

– Тьфу ты! – с досадой сплюнул он. – И тут не повезло. Было бы тебе ну хоть четырнадцать... Хотя такая дохлая да тощая и в двадцать не сгодится. Ладно, снимай свой плащ – я так вижу, он с меховой оторочкой, – и платье тоже снимай.

– Я же замерзну, – замирая от ужаса, прошептала я.

– Ты и так замерзнешь, – тоном, не допускающим сомнения, сообщил мне грабитель и практически вытряхнул меня из платья. – А теперь дуй отсюда со всех ног!

И новый подзатыльник отправил меня прямоком в глубокий сугроб. Я распласталась в снегу, жалко взвизгнув. Из одежды на мне осталась только нательная рубашка и чулки, оттого снег ожег меня всю, от макушки до пяток. Мои пальцы вдруг наткнулись в снегу на что-то гладкое и округлое и машинально сжали его.

Из сугроба я выбралась, дрожа и всхлипывая. Теперь я по-настоящему почувствовала, что такое мороз. Ох, как же мне было холодно! Воздух словно обжигал.

Босая, в одной рубашке, я бежала из последних сил, затем шла, затем ползла. И сейчас при одном воспоминании о той ночи меня начинает бить дрожь. Даже мозг в моих костях, казалось, превратился в лед и морозил меня изнутри. Вскоре я не могла даже ползти, потому что руки и ноги отказывались мне повиноваться.

В какой-то момент я вдруг отчетливо поняла, что умру. Умру непременно. И от этой мысли мне вдруг стало легче. Я почувствовала, что холод не такой уж лютый, вот только в сон клонит...

«Да, именно так знаменитый путешественник Норберт Гиндтский описывал, как едва не замерз насмерть в горах Каммероля», – пришла мне в голову ясная и четкая мысль перед тем, как сознание мое погасло.

Если бы бабушка узнала об этом, то была бы довольна. Я подошла к порогу смерти достаточно начитанной.

Следующее, что я помню, – грязная ругань у меня над головой. Ох, как костерил кто-то кого-то по матушке! Изобретательная брань лилась непрекращающимся потоком, свидетельствуя о незаурядном чувстве слова у произносившего ее человека. Лишь некоторое время спустя я сумела разобрать хоть что-то из этих сплошных проклятий.

– Ты, такой-сякой, какого такого-сякого, неси сюда этот такой-сякой самогон! Надо немедленно растереть ее!

Сквозь звон в ушах я слышала топот, грохот падающих бутылок, чьи-то испуганные восклицания... Потом меня терли, было очень больно, я пыталась протестовать, но мне влили в рот самогон, который подействовал на меня, как хороший подзатыльник, так что я притихла.

А как мне было плохо, когда я наконец-то пришла в себя! Все предыдущее показалось мне сущим пустяком в сравнении с той болью, которую я почувствовала, когда начали отходить окоченевшие руки и ноги. Все вокруг плыло и качалось, кто-то что-то у меня спрашивал, но я не понимала, чего от меня хотят, и только мотала головой.

Постепенно я осознала, что сижу за столом в какой-то харчевне, закутанная в плащ по самые глаза, и спрашивают у меня всего лишь мое имя.

– Каррен Брогардиус, – прохрипела я.

И снова наступила темнота.

– Вот какого дьявола вы бродили по городу в исподнем? – сердито спрашивал у меня магистр Каспар, размашисто шагая чуть впереди меня.

Я покорно брела за ним по бесконечному коридору, чувствуя, как на меня накатывают одна за другой волны дурноты. Платье, которое мне отдала дочь трактирщика, было велико, и я уже несколько раз наступила на подол. Магистр же не обращал ни малейшего внимания на мои спотыкания и не сбавлял скорости.

– Есть ли у вас хоть какой-то ум? Ночью, зимой шляться по трущобам Изгарда! Приличный человек туда ногой не ступит. Там обретаются одно отребье, воры и грабители. Сроду ничего глупее не слыхивал!

– Я заблудилась, – под нос себе пробурчала я.

– Да что вы там вообще делали?!

Я пожала плечами. Задавать встречный вопрос было бы невежливо – это я понимала. Во-первых, он был старше, во-вторых, он был магистром I степени, в-третьих, он спас мне жизнь, как ни крути.

Магистр Каспар был очень молод для мага – лет тридцати, но мне в ту пору конечно же показался древним стариком. Да и запоминающейся внешностью он похвастаться не мог: не слишком высокий, тонкий в кости, словно эльф, с породистым, ехидным лицом. Песочно-серые его волосы были собраны в небольшой хвостик, изящные руки затянуты в замшевые перчатки. Обычно такие господа встречаются на картинах знаменитых художников с подписью «Портрет неизвестного дворянина» и не производят никакого впечатления на тринадцатилетних девчонок.

– Я выхожу из трактира, э-э-э, хорошо погуляв, думаю про себя – холод собачий и тут же спотыкаюсь об ваше окоченевшее тело! И знаете, что мне в этот момент пришло в голову? – говорил между тем «неизвестный дворянин», оглядываясь на меня.

– Ну почему об нее не споткнулся кто-то другой? – хмуро предположила я.

Магистр Каспар надрывно кашлянул, из чего я сделала вывод, что была недалеко от истины, а если бы добавила еще пару непечатных междометий, то и вовсе угодила бы в самое яблочко.

– А потом, – сказал магистр, – я подумал, что теперь, как честный человек, должен как-то о вас позаботиться. Все-таки зимние праздники. Хотя этот неожиданный приступ честности вовсе меня не порадовал, ранее за мной такого не замечалось... Откуда вы свалились на мою голову?

– Я сирота, – с вызовом сказала я и тут же подумала, что больно угрожающе это прозвучало. Жалостливей надо было говорить, с потерянностью...

– Ага. Это многое объясняет. И что же мы с вами, многострадальная сирота, должны делать дальше, а? Вот уж правду говорят, что добрые дела наказуемы. Если бы я аккуратно переступил через ваше тело и пошел бы по своим делам, то сейчас был бы свободен. А вот поди ж ты! Спас! И разве это все? Нет, это только начало... Вас надо пристроить, обеспечить жильем, столом и одеждой. Замуж вас не выдать, нет? Ох уж эти зимние праздники! Помогите ближнему своему...

...Как бы удивились мои родственники, когда увидели бы меня в коридорах Магической Академии рядом с самым настоящим чародеем! Я и сама представить ничего подобного не могла. Когда магистр с тяжелым вздохом сообщил мне, что нашел для меня теплое место, разве могла я подумать, что он отведет меня в Академию, чьи башни возвышались над городом, словно гребень диковинного зверя. Мы вышли из трактира поутру, плотно позавтракав, и направились вверх по заснеженной улице, где еще не оставил отпечатка подошвы ни один горожанин. Магистр Каспар то и дело с тоской смотрел на меня и все вздыхал, словно сам себе сочувствуя.

При свете дня я наконец увидела, в какие трущобы меня занесло благодаря моему легкомыслию и наивности. Теперь в полной мере осознала, какой глупой затеей был мой побег.

Академия Магии располагалась одновременно и в городе, и за его чертой. От жилых кварталов ее отделяла небольшая речушка, высокая крепостная стена и старый парк. Простым людям были видны только зубцы на башнях да остроконечные крыши. Адепты часто появлялись на улицах Изгарда, я и сама видела молодых людей в странных балахонах, которые слишком громко смеялись, надменно косились на горожан и держались особняком. Маги встречались мне куда реже. Обычно они проносились по городу на прекрасных лошадях, принося немалый ущерб прохожим и лоточникам, а еще славились своей склонностью к попойкам, аморальностью и вольнодумством. Чародейки – холеные, слишком красивые для

того, чтобы можно было поверить, что такими их создала природа, чаще всего поглядывали на простой народ из-за парчовых занавесок паланкинов и карет. И оттого, что жизнь обитателей Академии была тайной и неизвестной горожанам, именно она являлась главной темой городских сплетен и досужих вымыслов. Чего только не рассказывали про Академию! Говорили и про шабаши, и про сговор с дьяволом, и про монстров, которых сдерживала лишь стена да воля могущественных чародеев... А уж осмелиться приблизиться к высоким кованым воротам Академии могли разве что горькие пьяницы или круглые дураки, которым ни один закон не писан.

И вот я, спрятавшись за узкой, прямой спиной магистра Каспара, стояла у этих ворот.

– Эй, почтенные! – негромко, но внушительно окликнул кого-то магистр. – Пропустите меня!

Тут же рядом с воротами отворилась небольшая калитка, слегка умаля торжественность происходящего, и магистр без промедления вошел внутрь, даже не оборачиваясь. И хорошо, а то бы я сгорела от стыда за свое абсолютно идиотское выражение лица.

Мы с магистром шли по аллее огромного парка, который окружал Академию, и первый же человек, встреченный нами, почтительно поклонился и радушно приветствовал нас. Это был смотритель парка.

Второй человек, что повстречался нам, прошептал мимо магистра, вздернув нос и ехидно кося взглядом. Во всем его облике чувствовалась такая надменность, что даже смотреть на него было неприятно. Мне сразу бросились в глаза его напыщенная походка, хитрый бегающий взгляд и нездоровый цвет лица.

Вот это и был самый настоящий маг, первый, не считая магистра Каспара, которого я увидела вблизи. Не знаю уж, как его звали, да это и неважно.

Важно было то, что большинство чародеев были в точности такими же.

Пока мы добрались до здания, магов я успела увидеть несметное множество, что, несомненно, оказало на меня серьезное воздействие. Нам повстречались и юные прыщавые адепты в потрепанных форменных балахонах, и сверкающие честолубивым орлиным взором аспиранты, и сверкающие ранними лысинами молодые преподаватели, и многомудрые старцы, которые словно соревновались, кто отрастит бороду длиннее, и безупречно-очаровательные чародейки...

Челюсть моя самовольно отвисла и не поднималась еще долгое время несмотря на то, что это ее свойство искореняла еще моя бабушка.

Позже магистр Каспар признался, что подобного столпотворения утром в парке он не видал никогда в жизни, и сам ума не приложит, с какой это радости вся эта публика шаталась по парку в то морозное зимнее утро.

Внутреннее убранство замка тоже потрясло. Если вы в силах понять, какой смысл я вкладываю в выражение «хаотически-беспорядочная роскошь», то я не буду описывать его подробно. Наследие всех известных культур, стили, направления и течения архитектуры перемешались здесь без всякого чувства меры. Широкие белокаменные лестницы со скульптурами и лепниной переходили в мрачные слепые коридоры с отсыревшими гобеленами, а пышная экзотическая растительность являлась вслед за нагромождениями доспехов. Мозаика и панно, чучела и купидоны, анатомические схемы, профили грунтовых горизонтов и портреты отцов-основателей... Все перемешалось в моей голове. А если еще добавить, что эти коридоры, галереи, лестницы были переполнены людьми, которые выглядели совершенно безумными и вели себя соответствующим образом, то вы без труда догадаетесь, что я окончательно растерялась, сбилась с толку и запуталась.

– Магистр Каспар, а зачем мы сюда пришли? – робко спросила я, пытаюсь ненароком не задеть никого из взъерошенных, спешащих адептов, которые бурным потоком двигались нам

навстречу. В руках у них находились охапки свитков, какие-то кости, фолианты, пробирки с заспиртованными тварями и прочие гнусности, вызвавшие у меня немало тягостных мыслей.

– А подите вы все к дьяволу! – Магистр хотел, чтобы другие не задевали его. – Ты, остопоп здоровый, глаз нету, что ли?

– Пршу прщения, гспдин мгистр...

– Магистр Каспар! – не сдавалась я. – Не скажете ли вы мне, зачем, собственно говоря...

– Будьте вы все неладны! Ну, сейчас я вам расскажу, что бывает за неуважение к магистру первой степени! Декан лично будет с вас сглаз снимать! И вряд ли у него получится, это я вам гарантирую. Каррен, не лезьте под руку!

– Магистр Каспар, вы что, хотите отдать меня на обучение в Академию? – не выдержала я.

Магистр поперхнулся, и это спасло нескольких прилично выглядевших молодых людей, которые забились под портьеру и там мелко дрожали.

– Не мелите чепухи, Каррен! – рявкнул он. – Кто примет на обучение сироту без денег, не из чародейской династии, да еще среди зимы?! Я, конечно, могу этих оболтусов превратить в сусликов и отправить прямиком в теггэльвские степи, но я же не всемогущ!

И на этом объяснения были исчерпаны. Магистр резко развернулся и зашагал дальше. Адепты, чудом избежавшие знакомства с теггэльвскими просторами, брызнули во все стороны, точно застигнутые врасплох тараканы.

Наконец мы остановились у дубовых дверей. Я перевела дух и заметила, что адептов и магов тут что-то не видать, да и роскоши существенно поубавилось. А магистр решительно постучался.

После подозрительных шорохов, приглушенных звуков падения чего-то стеклянного и последовавших за сим проклятий из-за дверей высунулось востроносое личико, которое тут же просияло при виде магистра Каспара. Но сияние это было, как бы точнее выразиться, далеко не благодетным.

– Ах, это вы, глубокочтимый магистр Каспар! Столь удивительно, что я вас лицезрею! – медоточиво проворковал этот субъект, впрочем даже не предложив нам войти.

– Да я и сам пребываю в изумлении, милейший Озрик, – точно таким же сладким голоском отвечивал ему магистр Каспар, и востроносый скривился, как от горькой микстуры.

– Что же вам угодно? – чуть более нетерпеливо осведомился он.

– Я хотел бы поговорить с госпожой Стеллой ван Хагевен, – сказал магистр Каспар.

– Ах, мне, право, досадно, но ее сейчас нет. И когда будет, доподлинно неизвестно.

– Ах вот как? – приподнял бровь магистр, и концентрация медово-сиропной ненависти в воздухе стала предельной.

– Да, именно так.

– Ну тогда я подожду, пока госпожа Стелла появится.

Носатый Озрик сладчайше улыбнулся и пропел:

– Как вам будет угодно, господин магистр!

И не успели эти слова отзвучать, как дверь захлопнулась перед носом у Каспара, словно небесные врата перед носом закоренелого грешника.

– А мог бы и пригласить, сморчок. Но предпочел откровенное оскорбление, – задумчиво произнес магистр куда-то в пустоту. – Ну ничего, я на память никогда не жаловался...

Я только открыла рот, чтобы спросить, что все это значило, как с негромким шипящим звуком в коридоре материализовалась софа, на которой магистр и расположился. Я подумала и присоединилась. Софа была самая настоящая, с бархатной обивкой, слегка потертой на подлокотниках.

– Я знаю, – с мученическим лицом начал магистр, – что расспросов мне не избежать, да к тому же вам, похоже, попросту нравится задавать каверзные вопросы и ставить меня в глупое положение. Готов поспорить, что если бы вы не были сиротой, то ваши родители наверняка бы вас удавили, едва вы начали бы говорить. Молчать! – предостерегающе скомандовал он, увидев, что мой рот уже приоткрылся, чтобы дать достойный ответ. – Да, вот так хорошо. Слушайте внимательно, потому что сегодня я уеду, и надолго, так что переспрашивать будет не у кого. Стелла ван Хагевен, которую мы сейчас ожидаем, – мажордом Академии. Она заправляет тут всем хозяйством. Если вам скажет какой-нибудь олух, что главный в этом сумасшедшем доме ректор, то знайте, что вас либо надувают, либо вам повстречался редкостный недоумок, которого самого можно надуть. Покудова этот мир держится на словах, черепахах, китах и прочем зверинце, главным в Академии всегда будет мажордом. Он генерал армии конюхов, кухарок, прачек, поломоек, которые удерживают весь этот бардак на плаву. Адепты приходят и уходят, а это войско остается на своих позициях. За этой дверью, – тут он ткнул пальцем в сторону дубовых врат, – хранится столько тайн, что даже мне противно. И именно у Стеллы я сегодня буду просить для вас место. Вы будете служанкой при Академии!

От разочарования у меня даже рот приоткрылся. Вовсе не так должно было завершиться мое бегство из дома дяди Бернарда!

– Служанкой? Но я же...

– Так я и думал, – скривился магистр. – Конечно, служанка – это не инфанта и даже не адептка. А хотели бы вы стать адепткой? – вдруг спросил он, и в его светлых глазах блеснула какая-то подозрительная искра.

Вопрос застал меня врасплох, хотя совсем недавно я спрашивала у магистра, не затем ли он привел меня в Академию. Но так прямо и без обиняков... И действительно, хотела бы я стать чародейкой? Изучать тайные премудрости магии, корпеть над манускриптами, кипятить драконью желчь и ворожить на веревке повешенного? Хотела бы несколько лет изучать демонов, чудовищ и монстров? Танцевать на кладбище с упырями? В полнолуние варить на адском огне яды и приворотные зелья?

И не успела я даже толком поразмыслить, как услышала свой собственный голос, который предательски произнес:

– Да!

Магистр Каспар удовлетворенно кивнул головой:

– Так я и предполагал. Но возникает ряд сложностей, дитя мое. И я вам их уже перечислял. Вы сирота без гроша за душой, и у вас нет в роду знаменитых магов, да и вообще никаких магов, как я понимаю. Иначе вряд ли бы у вас так горели глаза. Что, уже представляете полеты на метле и танцы в полнолуние? Боже, как извращена в сознании народа суть чародейского ремесла... Но я отвлекся. Значит, вы чувствуете тягу к магии, а я, в свою очередь, могу подтвердить, что у вас наличествуют несомненные способности. В идеале справедливость должна восторжествовать, и путем нелегкой борьбы, а также демонстрации неоспоримых талантов вы просто обязаны получить пропуск в мир магии. Н-да... Но вам уже тринадцать лет, милая моя, и вы должны знать, что сказки сказками, а жизнь тем временем идет своим чередом. У вас нет денег? Можете разворачиваться и идти куда глаза глядят, даже если вы движением брови можете сровнять средней величины замок с землей. Вы не внучка Фелиции Гвиттской и не племянница Анрианды Лаальской? Можете гипнотизировать уток на подворье сколько влезет, но в Академии вам не место. Надеюсь, вы поняли, о чем я?

– Но вы же... – робко сказала я, но не решилась продолжить свою мысль, вместо этого начав ковырять бархатную обивку.

Магистр с досадой сплюнул прямо на мозаичный пол.

– Каррен, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы заметить шаткость моего положения. Сами подумайте, на каком я тут счету, если какой-то паршивый сопляк Озрик захлопывает у меня перед носом дверь, при этом не являясь неизлечимо больным или же склонным к самоубийству. Год назад... Эх, да что тут говорить! Если бы вы валялись в сугробе год назад, то сейчас бы вкушали райское блаженство в райских же куцах, потому что ноги бы моей не было в той паскудной забегаловке. Но жизнь – забавная штука. Только что я был магистром Каспаром, которому плевать на всех с высокой колокольни, а теперь, увы, я у подножия той самой колокольни, и мне может отомстить каждый, кому не лень плюнуть. Поэтому не возлагайте больших надежд на мои возможности, а то еще раздавите эти самые возможности неаккуратным движением...

– Ага, – хмуро сказала я и оторвала от обивки длинную полоску.

От треска рвущейся ткани магистра Каспара немного перекошило, но он быстро вернул своему лицу выражение постной благожелательности, свойственное язвенникам и умирающим сквернавцам.

– Вы очень сообразительны для своего возраста и состояния здоровья, – отечески улыбнулся мне магистр. – Мне осталось только добавить, что с сегодняшнего дня я вообще-то нахожусь в изгнании. Мне полагается сейчас двигаться куда-то в Амилангр, в город с непроезжим названием – вот у меня на бумажке записано, – и там пару лет находиться в ссылке. Даже Озрик, как вы заметили, удивился, увидев меня у дверей. Да, жизнь – забавная штука. Вы даже не представляете себе, что такое чародеи! Интриги, коварство, беспринципность, подлость... Добавить бы к этому еще чуточку везения – и я бы сейчас купался в роскоши...

И магистр с досадой покачал головой.

Тут мы вдвоем погрузились в глубокие раздумья. Не знаю, о чем размышлял магистр Каспар, но я думала о дяде Бернарде и о праздничном ужине, который должен был состояться сегодня. И монастырь, честно говоря, уже не вызывал в моей душе такого неприятия. По сравнению с тем, чтобы стать служанкой...

От тяжелых мыслей нас отвлек цокот тонких каблучков, при звуке которых софа тут же начала таять подобно утреннему туману. Магистр Каспар, судя по всему, был не прочь последовать ее примеру, но переборол себя и растянул свои бледные губы в широчайшей, фальшивейшей улыбке.

Стелла ван Хагевен явилась моим глазам подобно нежно-сиреневому облачку ядовитых испарений. Она была дивно хороша, как, впрочем, все чародейки, и столь же противна.

– Ах, господин магистр! – пропела она и протянула руку для поцелуя. – Весьма удивлена.

Это непереносимое «ах» в начале каждой реплики уже начинало меня раздражать.

– Не пригласите ли меня войти? – Видимо, магистру Каспару тоже обрыдли словесные утонченности.

– Ах, разумеется! У вас какое-то дело? – Тут на меня был брошен уничижительно-сладкий взгляд.

– Вот именно.

И мы вошли в ее кабинет. Вопреки моим ожиданиям, он не был розовым или сиреневым, а, наоборот, демонстрировал наличие у своей владелицы бездны вкуса и прорвы денег. В углу за маленьким столиком красного дерева восседал Озрик, который истово ставил печати на какие-то свитки. Одного взмаха стрелоподобных ресниц Стеллы хватило, чтобы он исчез, как мимолетное видение.

И тут-то начался разговор.

В первый раз я присутствовала при диалоге двух магов, хитрых, умных и к тому же явно связанных какой-то общей историей, из тех, что никогда не станут достоянием широ-

кой общественности. О, как это было не похоже на обычную ссору простых людей! В дело шли столь ядовитые стрелы, столь тонкие намеки, аллюзии, коллизии и все такое прочее, что я потеряла нить беседы на третьей же минуте. И Стелла и Каспар были мастерами в таких пикировках. Другое дело я, тринадцатилетняя девчонка, не видевшая дальше своего носа. Я начала уже подозревать, что обо мне забыли, как вдруг Стелла повернулась ко мне и произнесла любезнейшим голосом, обращаясь к магистру Каспару:

– Так это твоя протеже?

– Крестница. – Боюсь, что даже мой покойный отец не смотрел на меня с такой заботой.

– Да, как лжива народная молва, которая твердит, будто магам чужды человеческие чувства.

– О да, я не могу даже думать об отъезде, пока судьба этой несчастной сироты не определена. Стелла, лишь в ваших силах даровать мне спокойствие души.

– Для спокойствия вашей души я не пожалела бы и своего. Так вы говорите, это дочь вашего друга?

– Именно так. И он взял с меня слово перед своей безвременной кончиной, что я о ней позабочусь. А вы знаете, что о человеке судят чаще всего по тому, как он держит свои обещания.

– Разумеется. В *ваших* устах эта старая истина звучит особенно убедительно. Значит, вы просите определить ее ко мне в штат? Не слишком ли скромно для вашей крестницы звание служанки?

– В свете сложившихся обстоятельств...

– Ах да, и как же я могла забыть. Мне все вспоминаются ваши слова на том балу о перспективах и влиянии на них честолубивого и умного человека. Эти обстоятельства... Следствием чьего же влияния они стали? Не признать ли вам наличие злого рока, который иногда преследует совершенно невинных людей, столь щедро одаренных умом? Ах, но это уже философия. А ваша крестница, судя по всему, устала.

Еще один тошнотворно-отцовский взгляд Каспара.

– Ей нездоровится. Бедняжка вчера едва не замерзла насмерть. Надеюсь, вы подыщете ей работу, которая позволит ей восстановить подорванное здоровье.

– Безусловно.

И едва я успела перевести дух, как мне под нос был сунут некий документ. Сверху красивым шрифтом было написано «Договор», а далее мельчайшими буквами шли какие-то пункты.

– Милое дитя, ознакомьтесь с условиями, которые вы должны соблюдать, нанимаясь к нам на работу, – ласково и презрительно приказала мне Стелла.

Но не успела я открыть рот, как магистр Каспар ловко вклинился между нами и беззастенчиво произнес:

– Ах, Стелла, не смущайте ее! Бедное дитя едва понимает грамоту и разве что подписаться сможет. Понимаете ли, родители не смогли дать ей достойного образования, деревенская глушь...

– Какое досадное упущение, – сочувственно потрепала меня по макушке Стелла, и я едва сдержалась, чтобы не отшатнуться. – Так, значит, она не умеет читать. Ну что же, тогда прочитайте ей сами условия этого договора. По-видимому, бедное дитя вам доверяет целиком и полностью.

Я пристально посмотрела на «крестного», но тот даже глазом не моргнул.

– Да, поневоле почувствуешь громадную ответственность, когда на тебя с верой и надеждой взирают этикие глазенки... Итак, вот что написано в этом договоре. – Конечно, без ласкового взгляда любящего отца вновь не обошлось. – Первое: сия договоренность заключается меж Академией Магии, что в Изгарде, и... тут пустое место... женского полу, дозво-

ленного вероисповедания, подданной светлейшего князя Йорика Эпфельреддского. Засим указанная особа передает себя в распоряжение Академии Магии до седьмого празднества Солнцестояния со времени подписания, до наступления которого телом и душой указанной особы распоряжается Академия в лице ее мажордома, и никто иной. Ни светская, ни духовная власть не вправе вмешиваться в указанную сферу...

Тут, разумеется, я почувствовала, что волосы у меня на голове зашевелились. Но едва я приготовилась к возмущенному воплю, как поймала упреждающий взгляд магистра Каспара. Взгляд этот был настолько серьезен и тяжел, что язык у меня сам по себе отнялся.

— ...запрещается покидать земли Академии, выходить в город и вести беседы с посторонними людьми. Лишь с личного дозволения мажордома указанная особа может переступить черту, что отделяет город от земель Академии. Академия обеспечивает указанную особу столом, одеждой и кровом, в обмен на что полагается исполнять любую работу по указанию старших, неукоснительно и добросовестно. Запрещается заговаривать с адептами Академии, покуда они не обратятся к указанной особе самолично. Запрещается всякое вольное общение с адептами на посторонние темы. Запрещается прикасаться к книгам, манускриптам, реактивам, ингредиентам, прочим рабочим материалам без указания и дозволения. Запрещается появляться на учебной половине Академии без разрешения. Запрещается вести беседы о магии с кем-либо, кроме исключительных случаев с дозволения мажордома. Запрещается обсуждать с кем-либо сведения, случайно услышанные на занятиях или в беседах адептов и преподавателей. И наконец, категорически запрещается попытка самовольно творить волшебство любого уровня. В случае нарушения условий этого договора виновника судит Трибунал Лиги, приговор которого обжалованию не подлежит. В качестве наказания могут быть назначены исправительные работы по выбору Трибунала либо заключение в Армарику.

На этом месте магистр Каспар радостно улыбнулся мне и сказал:

— Сущие формальности! Даже не ясно, зачем это подписывать, если все элементарно просто. Правда, дитя мое? Ну а теперь иди сюда и напиши вот здесь свое имя, только уж постарайся, чтобы все буквы были разборчиво написаны...

Мне в руки сунули перо и этот самый договор. Я смотрела на свиток, сверху донизу исписанный словами «запрещается», и чувствовала, как холодеют мои руки. Я отдавала себя в кабалу на семь лет! Эта Стелла может меня съесть на завтрак, и ни светская, ни духовная власть в это не имеют права вмешиваться! Ну уж нет, я ни за какие коврижки...

И тут я снова увидела этот взгляд.

«Пиши свое имя, глупая девчонка! — вдруг отчетливо прозвучал в моей голове голос магистра Каспара. — Пиши, или ты покойница!»

И я дрожащей рукой принялась выводить кривые буквы в договоре, как сделала бы это неграмотная деревенская дурочка, первый раз в жизни увидевшая перо и бумагу. Я как раз дописывала последнюю букву в своем имени и уже собралась было писать «Брогардиус», как магистр Каспар проворно выдернул у меня из рук договор и улыбнулся Стелле:

— Увы, научиться писать собственную фамилию оказалось слишком сложным делом для бедняжки. Она бродяжничала уже очень давно, пока я не встретил ее в Изгарде благодаря счастливой случайности. Можете сами дописать. Ее фамилия Глимминс, и родом она из...

— Это не столь важно, — отмахнулась Стелла и швырнула договор куда-то в недра огромного шкафа. — Я сегодня же подберу для нее работу. У меня много вакансий... Вот прачечная. Как раз тепло ей будет полезно. Или музей. Господин Фитцпарк уже несколько раз просил подыскать ему толкового помощника. В библиотеке тоже есть место, благо она читать не умеет...

— Стелла, я надеюсь на вашу безграничную доброту, — сказал магистр, изящно поклонившись. — Надеюсь, вы не возражаете, если я попрошаюсь с крестницей в коридоре? Пару

напутственных слов... Ей больше не от кого получить совет в этом мире. А я должен уезжать – обстоятельства, будь они неладны...

– Господин магистр, мы будем с нетерпением ожидать вашего возвращения, – любезно произнесла Стелла. – И я, и ваша очаровательная крестница, которая так неожиданно появилась в вашей жизни, но успела занять место в вашем сердце...

– До свидания, госпожа ван Хагевен, я ваш вечный должник! – воскликнул магистр и крайне ловко выскользнул за двери, увлекая меня за собой.

В коридоре Каспар шумно вздохнул и с чувством обратился ко мне:

– Каррен, вы просто умница! Вы все сделали, как...

Я выдернула свою руку из его холодных цепких пальцев и прошипела:

– А сейчас я немедленно ухожу отсюда! Вы что, совсем за идиотку меня держите? Семь лет каторги! И я должна добровольно на это согласиться?! Ни за что!

И я решительно зашагала прочь от магистра, даже не догадываясь, в какой стороне здесь находится выход.

– Стойте, Каррен! Да погодите же, глупая девчонка! – Магистр снова вцепился в мою руку, словно клещ. – Вы уже никуда не денетесь, если договор подписан.

– Что?!

– Теперь вы действительно не сможете выйти за стены Академии без разрешения Стеллы! Поверьте моему слову – последствия могут быть самыми плачевными. Посмотрите на свою руку... вот здесь, у запястья. Видите? Это клеймо Академии. Оно не исчезнет, пока не истечет срок контракта. Вас будут искать и найдут очень скоро – клеймо даст знать о вашем местонахождении.

По спине у меня побежали мурашки. Действительно, на руке у меня красовалось нечто вроде татуировки – какой-то перепончатокрылый зверь в окружении дубовых листьев. Можно было поклясться, что рисунок находится под кожей, хотя я не ощущала даже небольшого зуда. Я даже не почувствовала, когда он там появился!

«Сейчас меня непременно стошнит», – подумала я и почувствовала сильное головокружение.

Магистр Каспар, видимо, понял, что я сейчас потеряю сознание, потому что покрепче подхватил меня под мышки и прислонил к стене, дабы придать мне вертикальное положение. Потом огляделся по сторонам и зашептал:

– Слушайте меня, Каррен! Вам некуда больше идти! Посудите сами, что вас ждало бы в Изгарде, даже если бы вы не замерзли сегодня ночью? Вы бы бродяжничали, спали в подворотнях, просили милостыню, бегали от стражи... И в лучшем случае попали бы в сиротский приют, где нужно точно так же работать за харчи! Да, я не могу помочь вам стать адепткой, пусть вы этого и заслуживаете. Я признаю, что в данный момент являюсь самым жалким магистром в этом городе, без всяких прав и возможностей. Но и так я сделал все, что мог! Вы будете некоторое время служанкой, а затем ветер переменится. Я вскоре вернусь из ссылки, и, кто знает, как повернется ситуация... Уж тогда-то мы припомним все старые долги, поверьте мне! И к тому же вы правдами или неправдами уже пробрались в святая святых магии.

– Какой в этом прок? Я ведь буду служанкой! – в отчаянии взывала я.

– Тьфу ты! Это все ерунда! Смотрите, слушайте, запоминайте! Да, это будет не так-то просто, согласен. Но если вы по-настоящему пожелаете... Вы сказали, что хотите быть адепткой, ведь так? Будьте ею! У вас есть уши, глаза и память.

– Но в договоре сказано, что...

– Силы небесные, да ведь вы не столь глупы, чтобы всерьез принимать эти бумажки! Если вам что-то запрещают, это не значит, что этого делать нельзя вовсе! Просто делать надо так, чтобы об этом никто не пронюхал. Будьте осторожны и хитры, вот и все. Вам открыто

все, только берите незаметно. Я же сказал Стелле, что вы неграмотны, а значит, библиотека в вашем распоряжении. Нет, не надейтесь, что вас отправят именно туда. Не все сразу. Но, где бы вам ни довелось работать, собирайте информацию по крупицам. И не думайте, что речь идет только о книжных премудростях. Запоминайте все сплетни и слухи, ведь слуги знают куда больше, чем их господа. Понимаете, о чем я? А уж потом, когда придет мое время...

Я вздохнула поглубже и спросила:

– Господин магистр, не слишком ли *живо* вы взялись за устройство моей судьбы? Зачем это вам?

Он широко улыбнулся во все свои тридцать два зуба и задушевно произнес:

– В глубине души я благородный человек. Вы тронули мое сердце своей сиротской историей.

Это прозвучало хорошо, в меру выразительно и тепло. Верить этому было крайне наивно, и даже мой юный возраст не послужил бы оправданием.

– Значит, все временно?

– Все в этом мире временно. Но если вы возьмете на себя труд поразмыслить, то поймете, что это лучший выход из положения. Стены Академии защитят вас от эпидемий, войн и голода. Здесь вы можете узнать много такого, что прочим людям даже не снилось. А я готов поклясться, что именно это вам и нужно. Ведь так? Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить – вас не нужда погнала из дому. Подобные вам бегут куда глаза глядят, когда матушки, батюшки или дядюшки слишком уж рьяно принимают за вас решения. Что у вас было: обручение, монастырь, школа где-то на задворках?.. Можете не отвечать – это не столь важно, как и вся ваша сиротская биография. Важно то, что для вас лучшего места, чем Академия, не найти. О, здесь вы сможете развернуться! Не будет вышивания крестиком или музицирования – но суть даже не в этом. Здесь вы, быть может, поймете, что такое свобода. Свобода от предрассудков, правил хорошего тона и замусоленной морали, которую вам читали до этого ежедневно и ежечасно. Я не говорю, что это доступно каждому, кто протирал тут штаны за партами или трибунами. Но вы-то не как все! У вас есть шанс. Используйте его!

И магистр Каспар проникновенно посмотрел мне в глаза.

Несмотря на то что я понимала: все вышесказанное является грубой лестью и провокацией, которые рассчитаны на мою слабость и предсказуемость, что-то во мне дрогнуло. Все-таки магистр был большим плутом и охмурил людей куда умнее меня.

– И последнее. Как я уже говорил, мне надо покинуть Изгард, и надолго. Поэтому я надеюсь на вашу сообразительность. Запомните то, что я сейчас вам скажу, потому что именно от этого будет зависеть ваша судьба. Никогда, ни при каких обстоятельствах не верьте магу. Ни единому магу, который вам встретится.

Вот это было сказано по-настоящему серьезно, даже я не усомнилась.

– А Стелле? – спросила я задумчиво.

– Стелле – в особенности. Она не упустит ни единой возможности, чтобы навредить вам, пока думает, что мы с вами связаны.

– А... вам?

Магистр улыбнулся, но на этот раз печально и серьезно.

– Ну как же вам нравится подличать, милое дитя. Сами понимаете, что бы я ни сказал вам, поручиться за мою честность не сможет никто, кроме меня самого, а я являюсь лицом заинтересованным. Скажу так: пока да. А дальше... Жизнь – забавная штука. Впрочем, это я уже говорил.

И он снова улыбнулся, на этот раз словно соглашаясь с какой-то мыслью, пришедшей неожиданно в его голову.

– Ну а сейчас мы с вами попрощаемся. Вы пойдете к Стелле, и она скажет, какую работу нашла для вас. Конечно, придется несладко, но вы должны стерпеть. Помните, что это только на время.

– Хорошо, – охрипшим голосом сказала я.

– Ах да. Чуть не забыл. У меня осталась ваша вещица...

И магистр выудил из кармана мой медальон. Это был точно он – серебряная безделушка с оборванной цепочкой и вычерненной монограммой.

– Но... откуда? – вырвалось у меня.

– Ну, тут все просто. Он был у вас в руке, когда я наткнулся на ваше окоченевшее тело. Я забрал его себе, чтобы не потерялся в суматохе, и забыл отдать сразу.

Так-так-так. А это уже что-то объясняет.

Я осторожно взяла украшение и ровным тоном сказала:

– Благодарю.

Магистр проводил взглядом медальон, который скрылся в недрах моего кармана, и так же небрежно поинтересовался:

– Это ваша мать изображена на портрете?

Я пожала плечами и с независимым видом ответила:

– Мне так сказали.

– Ах, ну да. Вы же сирота. Я и забыл. – Магистр посмотрел куда-то в даль и прибавил: – Вы пошли в отца, я вижу.

Я недобрым словом помянула про себя матушку и согласилась:

– Да, я не унаследовала ее красоты. У других это вызывает почему-то больше сожаления, нежели у меня.

– Да уж, на отца вы похожи больше, – со странным выражением лица согласился Каспар. – И еще одна мелочь, которую я не упомянул. Не называйте, пожалуйста, здесь никому свою фамилию и не рассказывайте о своем детстве лишний раз. Остальным незачем знать, что вы родом из Арданции. Теперь вы Каррен Глимминс, сирота из Каллесворда.

– Хорошо, – опять согласилась я.

Видимо, моя покладистость была оценена должным образом, потому что глаза магистра принялись усердно лучиться теплом.

– Ну а теперь мне и в самом деле пора. Удачи вам, Каррен.

Я с облегчением поняла, что он не намерен меня обнимать и целовать в лоб. Магистр мне нравился все больше и больше своим умением вовремя остановиться.

Так мы и расстались. Я стояла одна среди пустынного коридора, глядя вслед удаляющемуся магу, с которым не была знакома и одного дня. Позади меня была дверь в кабинет Стеллы ван Хагевен, женщины, которая возненавидела меня, еще даже толком не узнав. Впереди – семь лет каторжной работы.

Ах, магистр, магистр... С чего же вы взяли, что я родом из Арданции?

Не я вам сообщила об этом. Не благородство побудило вас спрятать меня в стенах Академии, и не доброта руководила вами, когда вы привели меня сюда. Частью какого хитрого плана я стала с того момента, когда вы увидели портрет матушки, зажатый в моей окоченевшей руке?

Глава 5, в которой рассказывается, как судьбу Каррен устраивает Стелла ван Хагевен и что из этого получается, а сверх того – о музеях, экспонатах и адептах

– Ах да. Я про тебя забыла. Как же тебя... Каррен, кажется?

– Да, ваша светлость.

– Ну-ну. – И Стелла щелкнула пальцами.

Тут же несколько свитков плавно взмыли в воздух перед ее носом, и госпожа ван Хагевен принялась перебирать их один за другим, то хмурясь, то раздраженно фыркая.

– Так, что тут у нас... Прошение из прачечной, за подписью госпожи Свитс... требуется крепкая девица, способная отжимать простыню в два подхода... Нет, пожалуй, это не подходит. Из кухонь... судомойка либо поваренок... Способна ли ты к стряпне?

Я пожалала плечами, подозревая, что все мои слова будут тут же обращены против меня.

– Ладно. Тем более это место слишком хорошо для тебя. Кухня! Да туда надобно направлять в награду! А ты пока ее ничем не заслужила. В парк требуется девица для прополки партерных клумб... Какие клумбы, силы небесные? На дворе зима! Озрик, что тут делает эта бумаженция? Немедленно в архив! Библиотека... Нет, пожалуй. Горничная при старших курсах. Для новенькой это чересчур – еще умом тронешься... Ага, вот кое-что вполне подходящее. Озрик, сходи-ка за господином Фитцпарком, да поживее! У меня еще дел непроворот!

Востроносый Озрик, к которому я уже успела почувствовать неприязнь, проворно испарился. По-видимому, способность исчезать как по мановению волшебной палочки была его главным достоинством, помимо виртуозного подхалимства.

Я нервно переступила с ноги на ногу, чувствуя неловкость. Стелла рассматривала меня в упор, совершенно не моргая.

– Так, милая Каррен, – наконец прервала она свое исследование. – Есть ли у тебя какое-либо имущество?

– Никакого... ничего совсем... – робко произнесла я.

– Значит, никакого ничего. Ну это и к лучшему. Жить и столоваться будешь при Академии, и находиться здесь тебе полагается неотлучно. Никакие деньги не выдаются до истечения срока контракта. Тебя будут кормить и одевать, обеспечивать все нужды, естественно, в разумных пределах. Никаких писем родственникам слать не дозволяется. Хотя о чем это я? У тебя же нет родственников, и писать ты, слава богу, не умеешь. Сейчас придет твой непосредственный начальник, и ты отправишься вместе с ним. Отныне ты причислена к штату музейных работников. После ознакомления непосредственно с рабочим местом отправляйся к нашему каптенармусу, и тебе выдадут форменное платье, постель и расскажут, куда идти далее. Все ясно?

Я кивнула, чувствуя, что вот-вот позорно расплачусь.

– Ага, вот и господин Фитцпарк. Заходите, почтенный... Да не кланяйтесь столь усердно, с вашим-то ревматизмом...

...Господин Фитцпарк, мой первый начальник, был стар. По его достойно-подобострастному виду было ясно, что он с гордостью исполняет свои обязанности уже лет сорок и собирается трудиться на благо Академии вплоть до своей кончины, при этом ежесекундно

проявляя полагающиеся благоговение и усердие. Это было самой верной линией поведения для слуг при Академии.

Одет он был в обычную униформу: коричневый сюртук с белой рубашкой и панталоны. Я заметила, что рукава его одеяния сплошь покрыты различными пятнами, а кое-где и светились прорехами.

– Вот, господин Фитцпарк, ваша новая помощница, Каррен, – сообщила ему Стелла.

Старик повернулся ко мне, подслеповато шуря глаза, и с осуждением сказал:

– Больно тоща. И здоровьем, видать, не хвастается. А при нашей работенке это нехорошо... Мне б мальчишку, упитанного, деревенского. Чтоб с нашими химикалиями дело иметь, надо здоровьем впрок запастись.

– Глупости! – отрезала Стелла. – Работа у вас непыльная. Главное – соблюдать технику безопасности. Забирайте девчонку и будьте довольны, что я вообще хоть кого-то вам подыскала!

Фитцпарк, не переставая кланяться, попятился за двери, и я последовала за ним, чувствуя, что сейчас захнычу и окончательно потеряю лицо. Только сейчас я поняла, что в Академии я осталась совершенно одна и никто, никто не вытащит меня отсюда, даже если будет совсем худо. Как же меня угораздило сбежать из дому дяди Бернарда! Что же теперь делать?

И первая предательская слезинка поползла по щеке.

– Ну просил же я у нее здорового парня, – бурчал между тем господин Фитцпарк. – Чтоб кровь с молоком! А тут бледная немочь какая-то... И что с ней прикажете делать? Она же только купоросу нюхнет, как тут же и свалится. Полгода – и чахотка. А кто виноват? Старый Фитцпарк!

Я в ужасе зажала рот ладонью и икнула.

– А ты еще и нюни распустила? Не было мне печали... Не плачь, кому говорю! Знала небось, куда нанималась на работу! Откуда ты такая выискалась, плаксивая да сопливая? Нечего реветь! – Голос старого Фитцпарка уже не был таким сердитым. – Пообвыкнешься со временем. Будет тебе Академия что дом родной! Это вот мы идем по старой части. Здесь в основном всякие тайные личные комнаты, в которые нос лучше не совать. В этой башне сам ректор, господин Миллгерд, заседает. Ну и госпожа Стелла ван Хагевен, естественно. Простым людям вроде меня тут делать нечего, и даже если занесла нелегкая, то лучше побыстрее выбираться. Чародеи подозрительные до ужаса. Ни в жизнь не поверят, что заблудился или прогуляться зашел. Тут тебе и допросы, и пытки, и прочие сопутствующие неприятности.

Его речь была неторопливой, спокойной и странным образом успокаивала. Я машинально уточнила:

– Какие это – сопутствующие?

Фитцпарк вздохнул с видом человека, которого принуждают говорить на неприятную тему:

– Ну, тут все зависит от обстоятельств. Ежели попадешься на мелочи – окажешься в ненужном месте в ненужное время, то тут тебе выйдет порка. Это дело болезненное, обидное, но быстро заживающее. Другой вопрос, если заподозрят, что ты что-то вызнать пытаешься для себя или для кого другого. Тогда уж затаскают тебя по карцерам да подвалам так, что белый свет с овчинку покажется. Ну а если подозрения подтвердятся, то Трибунала не миновать. А это такая напасть, что лучше уж самому удавиться.

– А что такое Трибунал?

– Чародейский суд. Улавливаешь? Судят чародеи. Понятно и ежу, что справедливостью там и не пахнет. Это мерзостное племя родную мать продаст, ежели в том выгоду почует, а уж кому-нибудь напакостить – любимейшее дело. Не пожалеют, что ни скажи в свое оправ-

дание! Клянись, божись – никто и не моргнет. Приговор у них чаще всего один – Армарика. Знаешь, что такое Армарика?

Я замотала головой.

Старик закатил глаза, словно удивляясь моей серости.

– Армарика – это тюрьма, выстроенная чародеями для чародеев же. В том ее особенность, и оттого-то попадать туда обычным людям никак нельзя.

Я задумалась, размазывая слезы по лицу. Что же такого особенного было в чародейской тюрьме?

– ...Как известно даже несмышленишу, – терпеливо просвещал меня Фитцпарк, – чародеи для своих фокусов берут энергию стихий – Огня, Воздуха и так далее. Способности у них оттого весьма большие. Вот сама посуди, как человека, который сквозь стены проходит, чудеса всякие выколдовывает, можно куда-то заточить? Посади его в каменный мешок, закуй по рукам и ногам, а он – фьють! – и уже испарился. Чародея железом и стенами удержать не так-то просто. Из-за этого и наглости у них хоть отбавляй, мол, что нам, магам... Однако грызутся между собой чародеи постоянно, как и обычные люди. И берут верх то одни, то другие – как свезет. Ну вот, сцепятся они меж собой, надают тумаков, один другого пересилит, и что дальше, ежели смертоубийством дело не закончилось? Никак без тюрьмы не обойтись! А тюрьмы-то и нет в природе. Понятное дело, что обычному человеку такую задачку не решить. Но в чародеях пакостности от природы заложено – не рассказать! Естественно, что не могли они не придумать подходящую мерзость. Не пожалели они ни сил, ни времени и нашли-таки место, где нет ровным счетом никакой энергии – ни огненной, ни воздушной, ни водяной. То-то радости, наверно, было... Того, кто это паскудное место разыскал, орденom наградили, учеными званиями и вскорости отравили, чтоб не нашел еще чего похуже. А потом возвели там темницу, назвали Армарикой – в честь того чародея, Армара Каледского. Моментально и постояльцев туда нашлось, чуть ли не половина от общего количества. До этого не было местечка, куда их, поганцев, можно было засадить, а тут такое облегчение случилось. Ну и как достали они компромату, что накопился за годы бестюремного существования... Случалось, что один чародей на другого кляузу отправит, а спустя месяц-другой рядом же со своим недругом и окажется. Потом одумались, конечно, что так можно и всех пересажать, да будет ли в том прок? Сообразили, паскудники, что за каждым грешки числятся. С той поры много времени утекло, и чтоб теперь мага какого в Армарику определить, нужно иметь веские основания. Некромантов садют, маниаков всяких. Тех, кто к государственным переворотам склонность имеет, а способности – нет... Ну и нашего брата, конечно. Мы ж вроде как к чародейскому племени приписаны, и судят нас по их законам. Первое время народ не слишком боялся тюрьмы – мол, что за напасть, там ли пяток годков отмучиться или при чародее каком столько же терпеть издевательство. Но со временем наметилась нехорошая закономерность – посидит какой бедолага год-другой в Армарике – и все, упокой его душу небесные силы. И не от голода, не от болезни, не от жестокого обращения... Маги это тоже подметили. Что от этих паскудников ожидать – взяли эту тему в разработку, написали монографию научную, где убедительно доказали, что хоть простой человек энергию стихий использовать направленно не может, но тем не менее в ее отсутствие дохнет, что муха. За сей научный труд магистра Лавриуса Поданского наградили внеочередным званием, имением где-то в Эзрингене, и, супротив обыкновения, даже не отравили. Поняла теперь, почему в Армарику дольше чем на год попадать нельзя? То-то же...

Я слушала как зачарованная. За неторопливым рассказом старика мне открывалось нечто такое, о чем я до этого и понятия не имела. Теперь я начала понимать, что имел в виду магистр Каспар, когда советовал держать ухо востро. В Академии можно было узнать столько, что моим просвещенным родственникам и не снилось. И я чуть-чуть приободрилась. Старик заметил, что мои слезы высохли, и довольно улыбнулся.

– Вижу, что любознательность у тебя наличествует, – добродушно сказал он. – Не могу удержаться, чтоб не отметить, что сия черта здесь весьма опасна. Много тут бывало народу с огоньком в глазах. Но по странному совпадению, большинство из них заканчивали свои изыскания знакомством с Армарикой.

– Да я просто...

– И они тоже простыми были ребятами, да только слишком любопытными. Ладно, не буду я тебя сегодня страшить. Только-только успокоилась. Расскажу я лучше про работу нашу. Это и польза и информация. Про музеи что-нибудь до этого слыхала?

– Ну, это хранилища такие, где всякую всячину держат и таблички латунные на нее навешивают, – явила я миру свои глубокие познания.

– Именно так, – согласился Фитцпарк. – Но музеи разные бывают. Где старину всякую держат, где картины... А у нас другой коленкор. Объекты наши имеют особенный характер, да и вид, признаться, тоже. Не всякий человек с первого разу спокойно воспринимает. Я-то уже попривык, да и те, кто здесь пару-тройку лет поработали, тоже ко всему стали привычные. А вот новички – те, конечно, по первости переживают. Тут главное помнить, что экспонаты сии ужасают только видом, а опасности собою не являют ровным счетом никакой. Да что я тут распинаясь, сейчас сама посмотришь.

И я впервые увидела Музей.

...Музей Академии был основан почти одновременно с нею. Вначале его экспонатами были трофеи, добытые магами в схватках с чудовищами той эпохи. Головы драконов, зубы василисков, когти мантикор, глаза сфинксов, хвосты химер – вот чем можно было тут полюбоваться посетителям. Короче, сюда свозились останки побежденных монстров, не представляющие из себя большой ценности. Ясно, что сокровища драконов, желчь тех же василисков, кровь мантикор, чешуя сфинксов и т. п., имеющее хоть какую-то рыночную стоимость, до Музея не добиралось, а втихую присваивались магом, непосредственно победившим зверюгу, либо смекалистым свидетелем его гибели в случае, если магу не удавалось выжить после своей славной победы.

Однако время не стояло на месте. Музей, представлявший склад, захламленный свидетельствами боевой славы, особой пользы не приносил. Туда забредали разве что романтически настроенные адепты, мечтающие о будущих подвигах и ищущие вдохновения среди заспиртованных органов монстров, да убежденные седины магистры, вспоминающие о своих минувших золотых деньках. И в один прекрасный день Совет Лиги на одном из своих собраний постановил, что Музей надобно закрыть, сомнительные экспонаты сжечь, а помещение отдать под тренировочные залы, дабы адепты укрепляли свое физическое здоровье и совершенствовали боевые навыки. В защиту Музея никто не сказал ни словечка, и в другой прекрасный день двери его украсил огромный замок – для преобразования Музея в зал надлежало создать комиссию и подписать пару десятков бумаг, актов, дозволений и разрешений.

Но из-за рокового стечения обстоятельств, а именно гибели в пожаре практически половины сокровищ Библиотеки, вдруг оказалось, что адептам неоткуда черпать познания о монстрах и их внешнем виде. Это вообще было традиционной проблемой, так как иллюстрации в манускриптах чаще всего являлись плодом фантазии художника. Молодые маги просто терялись, когда воочию узревали стрыгу, у которой было вовсе не шесть конечностей, а четыре, а ядовитый дым из ноздрей и вовсе отсутствовал. Но заставить иллюстратора бродить по горам и лесам в поисках модели для его ответственной работы оказалось весьма затруднительно – служители искусства напрочь отказывались зарисовывать мантикор и волкодлаков с натуры. Вот и получалось, что маги во время своих странствий ознакомились с монстрами, потом описывали их словесно и письменно в своих монографиях, частенько многое преувеличивая, а затем уж иллюстраторы напрягали воображение и творили свои

шедевры. В редких случаях это все хоть чуть-чуть соответствовало истине, но выбора не было.

После пожара же на долю адептов остались лишь устные воспоминания преподавателей, которые изобиловали эпитетами и сравнениями, а также тоской по прошедшей молодости.

Вот тут-то и вспомнили о Музее. Действительно, что может быть лучше, чем наглядное изучение? Зачем расписывать длину и остроту зубов гарпии, если можно на них посмотреть, замерить штангенциркулем и даже пощупать? А со временем напишутся и новые книги. И уж пусть господа художники не обессудят, но сходство в их иллюстрациях будет поважнее красоты.

Так и было решено. Теперь Музей стал едва ли не главнейшей частью Академии и прославился на несколько королевств. Чучельники, или таксидермисты, как они любят себя называть, работали и день и ночь. Невзирая на протесты и возмущения чародеев, Совет Лиги издал указ, который предписывал всякое убиенное чудовище в цельном виде сдавать на обработку. Тут тоже присутствовал некий перегиб, потому как тех же крысоловов уничтожалось по десятку в месяц, и в таком количестве чучела их никому надобны не были. Но со временем все уладилось, установился порядок и тишь. Музей исправно пополнялся новыми экспонатами, адепты более не списывали свои ляпы на экзаменах на книжные ошибки, а художники теперь строго блюли соответствие вплоть до окраса подшерстка.

Вот такой была история Музея, о которой мне поведали куда позже, а покудова я, охваченная восхищением наполоам с ужасом, шла по залу, границы которого терялись где-то в сумраке, во все глаза таращась на самых странных монстров, которых можно было представить. О большинстве из них я слышала только из страшных легенд, где подробно описывалась их ядовитость, зубастость, когтистость и отвратность. Но как же это все не походило на то, что открылось моим глазам! Боюсь, что даже мое болезненно-живое воображение не могло сотворить таких потрясающих образов.

Солнечные лучи столбами падали из крохотных окон где-то под самым потолком, золотясь вековой пылью, и крылья мантикоры в них лилово светились, а полосатая шкура вурдалака отливала бархатом – шерсть была очень короткой и глянцевой. Искорки плясали на серебристо-зеленой чешуе гидры, и в стеклянных глазах жрухи горел почти живой огонек, так что казалось, будто она готовится к прыжку. Это было настоящее чудо!

– Вот это – малый тритон, – с гордостью демонстрировал мне сокровища Музея Фитцпарк, которому явно польстило мое восхищение. – А чуть левее – гидра Ульриха, чрезвычайно редко встречающаяся в наших краях. Она обитает в пресноводных водоемах, в склонности к людоедству не замечена. А вон та, с красными плавниками – морская, как раз людей пользуется вовсю. Ее нарекли гидрой Стефана. И по странному совпадению в Академии имеется одна магичка, Стефания Ильмерих – не поверишь, но дама эта гидра гидрой, что и привело к тому, что в узких кругах ее именно так и прозывают. Вот так оно и случается, что подчас имя определяет сущность... Водные твари у нас представлены вот в этом отделе, а дальше идут болотные – кикиморы, тинники, омутники, трясинники... Общая отличительная черта у них – перепонки меж пальцами. Ну и всеядность тоже. Жрут что ни попадя, стервецы. Но нам до этого дела нет – пусть у чародеев голова болит об их прожорливости. А это вот сизый камышанник – безобидное в целом создание, но крикливое до невозможности. Если уж где этот самый камышанник заведется, то люди через неделю с тех мест сходят – ни днем ни ночью от него нет покоя. А отчего сей урод орет круглосуточно, наука покудова не выяснила.

– А это вот что такое?

– Сыроквас. Этому плесень подавай. Считается, что он мелкий вредитель, но определение мелкости относится исключительно к его размерам. Ну, этих даже ты, наверно, опо-

знаешь. Мантикоры различных подвидов – бурая, сизая, дымчатая, малая, большая, огромная...

Сказать, что я была потрясена, значит ничего не сказать. В тот момент я позабыла обо всем на свете. Мир мог провалиться в Lohhar'ag, но это не отвлекло бы меня от созерцания дымчатой мантикоры.

Чуть дальше я увидела что-то знакомое. На деревянной подставке, имитирующей сук, сидела гарпия, расправив крылья и приоткрыв зубастую пасть. Именно ее сородича я отмотила тяпкой и пнула под зад незадолго до своего отъезда в Изгارد.

– Это гарпия? – с восторгом воскликнула я.

Фитцпарк утвердительно кивнул:

– Да, именно она, зараза этакая. Но это самая мелкая из всех существующих разновидностей, кур ворует да кроликов. С такой и дите управится. А вон дальше, погляди-ка – аальская гарпия и хельбергонская. Вот это зверюги посерьезней. Но самая здоровая среди этих летучих гадин – горная каммерольская. Такая и теленка запросто сволокет.

Я представила себе, что бы было, если бы подобная зверюга прилетела к нам в деревню, и поежилась.

– А отсюдава начинаются ящеры. У нас самая широкая экспозиция на пять, а то и восемь королевств. Чего тут только нет – и горные драконы, и болотные, и пустошные... Вот тот, на которого ты сейчас смотришь, – южный эбонитовый дракон. Видишь, какая у него чешуя мелкая, гладкая, без бородавок и наростов. Чисто шелк блестит.

Я залюбовалась точеным, изящным ящером, который был размером с корову. Господа таксидермисты поработали на славу: казалось, он сейчас шагнет со своего пьедестала из морских валунов, и горе тогда незадачливым зрителям вроде меня.

– Вот это дракон скальный обыкновенный, или, как любят выражаться господа маги, вульгарный. Ну да он такой и есть. Жирная серая скотина, еще и вся в наростах, точно болящая. У него шкура, где чешуи нет, с возрастом роговеет, оттого и выглядит с годами сей зверь все гаже и гаже. Это дракон Олафа – северный зверь, для маскировки имеет серо-стальной окрас. Средней величины, но нрава подлючего до невозможности. Однако же холоду боится, хоть и прозывается северным. Не слыхала ли историю про то, как дракон случайно залетел в Улебергд, столицу хельбергонскую? Ничего ты не знаешь, как я погляжу... Вот и тот дракон был такой же бестолковый – отморозил крылья, бедолага, да и рухнул на город, точно зонтик растопыренный. То-то горожанам была потеха!

Драконы сменяли один другого – то маленькие, не больше лошади, то покрупнее, так что приходилось задирать голову, чтобы их разглядеть. Сколько же пришлось попотеть чародеям, чтобы угробить эдакое количество ящеров! А как их доставляли в Изгارد, вообще непонятно!

– А это, – тут голос Фитцпарка задрожал от волнения и благоговения, – лучший экспонат Музея. Золотистый амилангрский дракон! Ничего подобного более ты не увидишь в прочих музеях и коллекциях! Редчайший зверь. За него нам предлагали не раз десятки тысяч крон, но Академия отказалась. Ибо этот дракон неоценим!

Я в восхищении замерла. Передо мной возвышался необычайно прекрасный ящер, величиной с дом – не меньше. Солнечные лучи падали на него таким образом, что казалось, будто светится каждая чешуйка. Длинный хвост, заостренный, точно пика, на конце, живописно изгибался, а янтарные когти на лапах были словно отшлифованы.

Несколько секунд я молчала, а потом пораженно выдохнула:

– Какой он...

– Здоровенный – это точно. И проклянешь ты его еще неоднократно, как злейшего своего врага, – совершенно другим тоном сказал Фитцпарк. – Это я увлекся чуток, расхвастался, да и подзабыл тебе рассказать, что мы здесь, при этих уродах, делаем.

И мы пошли обратно.

– Вот ты на Музей посмотрела, поахала, поудивлялась. А дальше-то что? – буднично говорил Фитцпарк, более не обращая внимания на диковинных чудовищ. – Для адептов оно так и есть – пришли, зарисовали, записали за лектором, и все. Да только мы не адепты, которые по сути своей есть бездельники и тунеядцы. На нас лежит ответственность, и немалая. Мы должны сохранить богатства, которые нам вверили, и сделать все для того, чтоб эти вот экспонаты продолжали радовать глаз. Мы-то понимаем, какая в них ценность заключена. А адепты – дикий, некультурный народ. Им самое милое дело у мантикоры усы повыдергать, пока лектор отвернулся, либо на боку у дракона надпись похабную накорябать. Опосля этих экскурсий по три дня экспозицию восстанавливать нужно! Так что первая наша обязанность такая – исправлять вред, нанесенный экспонатам адептами. Понятно?

– Ага. А нельзя как-нибудь им помешать вред этот учинять? Ну, по рукам стукнуть или уши надрать? – задумчиво спросила я.

Фитцпарк с сожалением вздохнул.

– Будь моя воля, – мрачно сказал он, – я б им руки вообще повыдергивал! Это ж как мало понятия надо иметь, чтоб на саламандре царапать «Тут был Базилио из Лекка»! Саламандра есть дух огня, символ стихии, и, чтоб ее изловить, не один год понадобился! Сие есть прекрасный зверь и уникальный экспонат. А этим вандалам наплевать решительно на все. Но мы люди маленькие. Нам и слова промолвить нельзя им впоперек. Эти выродки знай себе оскверняют экспозицию, а наше дело ее реконструировать раз за разом. И попробуй только доложить госпоже ван Хагевен, что какому-либо экспонату нанесена порча. Враз выговор, наказание, словно это я самолично хвост у единорога подпаливал. Наша работа имеет свои тонкости, и терпение тут нужно нешуточное. Ты со временем сообразишь, что к чему. Покудова же сообщаю тебе, что вторая наша обязанность – это уход за экспонатами. И он включает в себя самые разнообразные действия...

Между тем мы прошли мимо экспозиции, представляющей копытных, и вышли к невзрачным дверям, которые почти полностью закрывало чучело неизвестного мне тогда монстра с огромными ушами.

– Вот наше скромное обиталище, – сказал Фитцпарк. – Тут мы хозяева и господа.

Обиталище являло собой большой контраст с огромным залом Музея. Проще говоря, это была крошечная каморка, где из мебели присутствовали стол, две колченогие лавки, какие-то сундуки и полки, покрывающие стены сверху донизу. На полках ровными рядами стояли пузатые колбы с разными жидкостями и порошками.

Фитцпарк с торжественным видом взял одну из емкостей, с жидкостью кроваво-красного цвета, и произнес:

– Запоминай теперь хорошенько все, что я скажу. Ибо ошибки в нашем деле исправить зачастую невозможно!

И после такой впечатляющей прелюдии мне было поведано, что монстры в своем разнообразии годны не только украшать экспозицию, но и содержать на себе множество паразитов, копить пыль и портиться. Каждый экспонат имел свои особенности, и их следовало учитывать. Мне предстояло запомнить, какими жидкостями следует протирать драконов, чтобы их чешуя имела здоровый вид, какие порошки способствуют уничтожению клопов на мантикорах, а какие – моли на стрыгах. К ужасу своему я узнала, что почти каждое чучело имеет свою комплексную систему мероприятий по уходу, и спутать их означало нанести непоправимый вред. Чешуйчатые, волосатые и гладкошерстные твари отличались между собой куда больше, чем принято было думать.

– Вот желчь ехидны напополам с марганцовкой, – наставлял меня Фитцпарк. – Колер фиолетовый, консистенция густая. Этим следует полировать копыта и рога сатиров, в крайнем случае можно воспользоваться ею и для единорога, но только единожды, поскольку от

марганцовки рог его может приобрести желтоватый оттенок. А это ртуть, драконья кровь, уголь анчара и перо феникса в соотношении 1:1:2:1. Используется для протравливания шкуры сфинксов. И упаси Бог пролить хоть каплю на тритона! Тут же запылает и сгорит! Вот купорос и толченое мумие. Радикальное средство супротив вшей на мантикорах. Эй, девка, ты слушаешь или спишь? Запоминай – этого тебе больше никто не расскажет, даже сам господин ректор! Сулема с маслом чайного дерева...

Вот так я и начала свою карьеру служанки при Академии. Ох и паскудная же это была работа! Господин Фитцпарк без устали рассказывал мне про чудищ и паразитов, которые к ним прилагаются, при этом не забывая указывать на мои ошибки и упущения, не гнушаясь подзатыльниками. Я же бегала по залу со стремянкой до темноты в глазах и опрыскивала драконов, протирала единорогов, посыпала порошками иных рептилий и копытных, расчесывала хвосты, гривы и прочие волосяные покровы. Вскоре я уже ненавидела каждый экспонат, а с некоторыми даже враждовала, не упуская возможности напакостить.

Сколько многому мне еще предстояло научиться! Сколько много пучков розог истрепалось, прежде чем из моей головы вылетела вся та чушь, которая до этого казалась мне глубокой жизненной мудростью! Каждый раз я думала, что жизнь моя кончена навсегда и после этого остается только удавиться. А потом начинался новый день, и я забывала о предыдущем. Позже я даже пришла к отстраненному выводу, что порка является уникальным средством для наставления таких тонких и восприимчивых натур, как я, на путь истинный.

Ну да это было немного погодя. А в конце моего первого дня в Академии я, полностью ошалев, была проведена Фитцпарком до кабинета каптенармуса Академии и передана из рук в руки. Там мне выдали униформу – синее платье с белым воротником самого мерзкого вида, комплект нижнего белья, которое могло использоваться в качестве нательных доспехов, и еще какие-то мелочи вроде гребня, чепца, ночной рубашки и тому подобного. Далее мне был указан путь к жилым комнатам, где обитали служанки, и я пошла туда, едва волоча за собой ноги и пребывая в состоянии глубочайшего потрясения.

Но недаром говорят, что утро вечера мудренее. Проснувшись от дикого вопля, напоминающего предсмертный крик гарпии, и узнав от своей соседки, что это сигнал приступить к работе, я ощутила странное спокойствие. Ничего уже не изменишь. Я застряла здесь на долгие годы.

И, продираясь сквозь беспорядочное месиво из адептов, преподавателей, магистров и слуг, я отстраненно подумала: «А ведь в этом сумасшедшем доме и впрямь можно делать что угодно – никто не заметит. Ничего, сначала осмотрюсь, а потом решу, что делать дальше. Неужто я такая дура, чтобы попасться?»

Глава 6

в которой посредством некоторых документов средней важности описываются будни Академии и первые шаги Каррен на магическом поприще

Докладная записка на имя Стеллы ван Хагевен от Мориса Фитцпарка, смотрителя Музея Академии. Редактировано Озриком

Долгих лет и процветания Вашей милости! Спешу доложить Вам следующее, с надеждой, что Вы многомудрым образом изыщете достойный выход из сложившегося положения. Вам должно быть известно, что в связи с визитом высоких гостей из Готемундского Университета, указом ректора было предписано привести Музей Академии в достойный осмотра вид. Денно и ночью мы трудились, дабы исполнить приказ господина ректора в точности. Однако по моему недосмотру и по неопытности моей ассистентки экспонат номер 12/34 (дракон золотистый, амилангрский), коий является гордостью Музея, был обработан щелоком с добавлением серы, что произвело губительный эффект. Колер вышеозначенного дракона сменился на зеленый, местами с ржавыми вкраплениями, и сколь ни бились мы, чтоб вернуть экспонату первоначальный окрас, все попытки потерпели фиаско. Недостойным умом своим понимая, что в случае визита гостей в Музей может получиться конфуз, прошу Вашего совета. Не стоит ли спрятать пострадавший экспонат с глаз людских до поры до времени? Возможно, в дальнейшем, с развитием химической науки, удастся восстановить сей уникальный экземпляр в былом великолепии.

Засим остаюсь Ваш покорный слуга, *Морис Фитцпарк*.

Пометка рукой Стеллы ван Хагевен

Дракона покрасить золотой краской (распорядись у каптенармуса), ежели вида не будет, то наложить иллюзию подобротнее. Девчонку эту отправить к младшим курсам, горничной. За учиненный вред выпороть как следует.

Из разговора адептов первого курса

– ...Да это наша новая горничная, ее вчера к нам приписали. Ты, наверное, ее еще не видела! Как тебя зовут, девочка? Каррен? Вот имечко-то... Откуда ты, Каррен? Наверное, с севера? Ой, какая, впрочем, разница... Ты прибери комнату, да поживее, а то к нам скоро подруги прийти должны. Пол под кроватями чтоб помыла обязательно, а то мне от этой пылищи дышать нечем. И выглади мне потом форму, а то она как тряпка. Ужасно, Амелия! Ты видела эту форму? Верх дурного вкуса. И нам предстоит это носить пять лет, в то время как девушки нашего возраста будут одеваться у модных портных и все такое. Я взрослый человек, мне четырнадцать лет, а папенька даже и слушать меня не стал, отправил в это ужасное место! Нет, как же я понимаю Корнелию...

– Какую еще Корнелию?

– Ах, ну Корнелия Вента, из Каллесворда. Те самые Вента, что родственники гройдским Гавитсам. Теперь вспомнила? Старый Вента тоже направил ее на обучение в Академию, а она взяла и сбежала. Это я доподлинно знаю от Мелении Гиффс, потому что сбежала она к ее кузену. Там такие страсти... Но суть не в том. Девушка-то сбежала, а здесь в путанице при поступлении никто и не приметил! Своими глазами видела, что эта самая Корнелия находится в списках нашего факультета. И все молчат – видно, у нее ни знакомых тут, ни родственников. Вот такой здесь порядок – человека потеряли, а никто и не заметил. Эй,

ты! Как тебя там? Каррен? Что ты тряпкой возишь, как сонная?! Сказано же тебе – живее! Надо на тебя пожаловаться, так в момент отсюда вылетишь...

Записка от Стеллы ван Хагевен Озрику

Снова жалобы на Каррен Глимминс: дерзка, невоздержанна на язык, ленива. Разберись, что там произошло, прикажи выпороть на всякий случай и отправь на какую-нибудь работу потяжелее, хотя бы и в прачечную.

Прачечная

– Эх, деточка, да что ж тебя к нам занесло? Ты тут щелоком надышишься и захвораешь сразу. Вон у тебя какое личико бледненькое. За что ж тебя Стелла так невзлюбила? А, нажаловались... Ты горничной была при первых курсах? Ну, там жизнь тоже не сахар. Хотя бывает, что и ленту подарят или брошку какую – такой, как ты, молодой девке чего больше надо? А у нас, как видишь, натуральная преисподняя, кипятик, пар да вонь. Ну ничего, будешь работать на прессе. Там от котлов подальше, воняет не так. Да уж, мало кто знает, что такое прачечная... Хуже места нет, разве что кочегарка.

Эй, поосторожнее! Это же тога ректора! Тут деликатней действовать надобно – один бархат чего стоит, не считая вышивки. Да и вообще, запоминай: преподавательские тоги можно и не уважать, магистерские – это бордового колеру – лучше беречь, а форму адептскую так и вообще за одежду не считай. Вон сколько их лежит! Разлезлись от кипятику, потому как матерьял дрянь. Мы им ведем учет, а потом в швейную мастерскую передаем, сколько чего надо сшить. До следующей перемены одежды там как раз и управятся. Что-что? А, куда это рванье деваем... Так выбрасываем! На половые тряпки пускаем или для тюфяков. На бумагу, бывает, забирают. Так что адептская форма для нас не ценность. Хочешь – себе возьми, да заплаток из нее наделай, только чтоб никто про то не узнал...

Докладная Озрика Стелле ван Хагевен

Намедни в прачечной рабочей девице стало дурно, лекарь сказал, что работать там ей никак более невозможно по состоянию здоровья. Отправили в лазарет. Что прикажете делать?

Пометка рукой Стеллы

Из лазарета сразу направь работать в парк. Садовник жалуется, что некому дорожки мести. Позже отпишешь, как имя девицы, что за хворь.

(Впоследствии докладная утеряна.)

Докладная Озрика Стелле ван Хагевен

Госпожа ван Хагевен, прошу прощения, что опять напоминаю, но надобно срочно обновить защитный контур в вашем кабинете. Опять пропали бланки, печать не на месте и ларец со значками адептов явственно двигали. Домовые совсем распустились. А что будет, ежели эти документы да попадут в плохие руки? Нет, покудова Академия не наводнилась лжеадептами, надо контур менять!

Пометка рукой Стеллы

Немедленно вызвать господина Миториуса, обновить контур. Домовым сделать внушение.

Распоряжение мажордома Стеллы ван Хагевен по Академии

В связи с началом осени и учебного года всех чернорабочих из парка, в ком нет острой необходимости, перевести на работу в учебные аудитории, лаборатории и лектории в качестве полумоек, уборщиков и мойщиков пробирок.

Докладная Озрика Стелле ван Хагевен

В ответ на ваш запрос о состоянии дел на начало учебного года спешу доложить следующее.

При проверке комплектации аудиторий подсобными работниками был обнаружен недочет. При переводе с садово-парковых работ на аудиторные пропали две единицы персонала, имен которых никто назвать не смог, так как в общей неразберихе соответствующая документация затерялась. Вскоре в аудитории № 235/2 (кафедра межпространственных переходов энергии) была обнаружена закопченная вставная челюсть, принадлежавшая, как выяснилось в ходе расспросов, некому Фибоду Нунцу, ранее стригшему газоны. Сии скудные останки лежали на полу, посреди неправильно дезактивированной пентаграммы. Это дает основание предположить, что вышеозначенный Нунц по недомыслию наступил на активную пентаграмму, оставшуюся после практических занятий по прямой передаче энергий из иных измерений. Столб энергии, вырвавшийся из пентаграммы, и явился причиной исчезновения Нунца, косвенным подтверждением чего является пятно сажи на потолке. Можно предположить, что второй пропавший, чье имя пока не установлено, также стал жертвой собственной невнимательности, так как всего в аудитории насчитали шесть активных и двенадцать дезактивированных пентаграмм. Причем большая часть дезактиваций была проведена с ошибками, что может равно свидетельствовать как о бестолковости адептов, так и о неосмотрительном контакте пентаграммы с инородным телом. Преподаватель же пояснил, что не все виды энергий могут иметь последствия в виде копоты и пятен сажи. Таким образом, с большой долей вероятности могу предположить, что второй пропавший также сгинул в какой-то из пентаграмм, а так как они имеют свойство искривлять временно-пространственный континуум, то тело может найтись очень нескоро, причем где угодно.

Несчастные случаи среди неопытных слуг продолжают с прискорбной регулярностью. Так, вчера некая Марта Сток вылила остатки реактивов в одно ведро, чтобы впоследствии, как она пояснила, выплеснуть из окна. Произошла неконтролируемая реакция, в ходе которой обрушилась стена между аудиториями № 578/4 и 578/5 (кафедра алхимических изысканий). Сама же виновница происшедшего была обнаружена на люстре в полном сознании без особого ущерба здоровью.

Почти сразу же за этим пришло извещение из лазарета, что Прасперт Клуг, приписанный к кафедре драконоведения, получил травму безымянного пальца во время практических занятий.

Таким образом, довожу до вашего сведения, что начало учебного года проходит без всяких чрезвычайных происшествий, нареканий среди преподавательского состава на обслуживающий персонал не имеется.

Пометка рукой Стеллы

Узнать, как имя второго пропавшего. Уже восемь исчезновений за минувший год! В прошлом, напомню, обошлись шестью. Потом путаницы в бумагах не оберешься.

(Впоследствии документ затерян в архиве.)

Лекция по географии мира

— Так, с переключкой все. Вижу, что на вторую лекцию вас пришло ровно в два раза меньше, чем на первую. Прискорбный факт, прискорбный... Тем самым отсутствующие

порождают колоссальный пробел в своих познаниях об устройстве мира и расположении стран относительно нашего родного Эпфельредда, а за сим, несомненно, впоследствии пренебрежение к политическим закономерностям, что проистекают из взаимного расположения стран. Юноша в третьем ряду! Я все слышу! Вы спрашиваете своего слабоумного соседа, на кой ляд вам нужна география, ежели вы дальше Эпфельредда никуда не денетесь? Что ж, закономерный вопрос, должен признать. В самом деле, будущность большей части из вас будет связана с исполнением обязанностей поместного мага где-нибудь в провинции. Допускаю, что очень немногие из вас покинут пределы нашего королевства. Но это не повод! Слышите?! Не повод ограничивать свои познания о мире! Да, вы не увидите гор Каммероля, степей Теггэльва или рирских ущелий. Но вы должны знать о них, чтобы разнообразить свое... Эй, молодые люди! Вы куда? Извините, я, кажется, неправильно расслышал, повторите...

Ладно, забудем этот инцидент, вернемся к географии. Вот вы, девица... Корнелия Вента? Не видел вас на первой лекции, что в целом нехарактерно, обычно у меня все с точностью до наоборот. Говорите мне, с какими государствами граничит наше княжество. Теггэльв, правильно, Аале, правильно, Каммероль, правильно, Эзринген, Хельбергон... Барышня, я потрясен. Первый раз я встречаю столь глубокие познания на первом курсе. Садитесь. Можете больше на мои лекции не ходить. Все равно ничего больше я рассказывать не буду – дай бог, чтоб хоть это запомнили, оболтусы...

Лекция по телекинезиологии

– ...Ну вот мы и подошли к самому главному. Итак, из вот этой формулы Вигоштрасса и этой формулы Эйнца мы можем сделать вывод, что телекинез возможен. Да, мы и так знали, что он возможен, но над тем, чтобы обосновать его научно, лучшие умы бились не одну сотню лет. Вот только не надо этих разговорчиков «На кой черт» да «Кому оно нужно»! Это вам не география! Итак, мы доказали, что телекинез – это глубоко научный факт, и сегодня будем изучать его азы. Сейчас я пишу на доске формулу заклинания, которое телепортирует произносящего на небольшие – за редкими исключениями – расстояния. И настоятельно предостерегаю: не вздумайте повторять его про себя шепотом, как вы привыкли! Итак, вот оно и... Нет, ну что за недоумки! Я же просил – не повторять! И так каждый год! Всемилотивные угодники, неужели кого-нибудь опять на Иоферре занесет, как в прошлый раз?..

Практическое занятие по берейторству

– ...Отыди от Фабула, кому говорю! Он копытом тебя как звезданет – мозги потом со стены соскрести придется! Так, все здесь? Переключки я не делаю, просто кого не будет сегодня, тому коня не достанется и будет он доучиваться на ишаке. Чего смеешься? Думаешь, шутки шучу? Нет, не угадал. Иди бери осла, вон там в углу, и ознакомься с ним хорошенько – вы на год теперь ближайшие друзья будете. Ну, на лекции вам все рассказали? Что за зверь такой конь, каким образом передвигается... Ах, даже схему векторов чертили? Ну, это серьезное дело. При верховой езде без вектора никак не обойтись. Ладно. Будем работать по примеру, то бишь образу и подобию. Сейчас я возьму адепта, который лошадь до этого только издали видел, и на нем будем разбирать типичные ошибки. Вот ты, иди сюда. Как зовут? Корнелия... Хорошее имя, и лошадь назвать пригодно, и человека. Чего говоришь? Как я догадался, что ты верховой езде не обучена? Да ты на себя глянь! Я ж как только сказал, что сейчас возьмем неопытного, так ты цветом со сметаной сравнялась. Ну, приступим. Чего на меня смотришь? Ты не на меня – на коня смотри, я тебя по арене катать на горбу не буду. Давай лезь в седло. Что значит – не буду? Будешь, будешь! Лезь! *Лезь в седло, кому сказал?*

О, вот и славненько, а говорила «не буду»... Быстро как сподобилась. А теперь слезай, голубушка, и садись так, чтоб смотреть лошади в гриву, а не в хвост. Что значит «не могу»? Высоты боишься? А крику моего не боишься? Слазь! *Слазь на землю, кому сказал!*

...Ну вот, уже и на земле. Правда, не слезла, а грохнулась, но это мелочи. Ничего не сломала? Все видели, как *не надо* лезть на лошадь и как *не надо* с нее слазить? Отлично. А теперь, голубушка, повторяем, но правильно. Эту ножку сюда, эту туда, и держимся, держимся. А сейчас лошадка еще и побежит... Глядь, как здоровски побежала! Это, ребята, называется галоп. Лютик – он конь нервный и оттого, что барышня так вопит без передыху, сейчас и побыстрее пойдет... Вот, как я и говорил. Все видели? Запомнили? Вот так падать *не надо*! А ну-ка, вы двое, сходите подберите барышню. Сейчас мы покажем ей, как следует падать, чтоб больше нос не расквашивать...

Фехтование

– ...И безусловно, фехтование – благороднейшее из занятий! Кто может оспорить утверждение, что истинное оружие высокородного человека – меч?! Вы будущие маги, защитники поселян! Безусловно, ваше главное оружие – слово, но железо только подкрепит его. Вы тоже воины, за вами стоят тени великих боевых магов прошлого – Лавриуса Поданского, Эстольда Гройдского, Диния Ликандрийского. Какие легенды связаны с каждым этим именем! И все они были непревзойденными бойцами, чье искусство осталось славно в веках.

Итак, это было вступление, из которого вы должны запомнить одно – на моих занятиях вы отлынивать не будете. Мне начать на то, что большинство из вас никогда более не возьмет оружия в руки после окончания Академии. Я даже сейчас могу сказать, чей удел клистирная трубка и примочки от подагры. Сия печать стоит на ваших лбах, как опознавательный знак. И именно вас и вам подобных я буду учить особо требовательно и настойчиво, ибо к чему учить фехтованию сего юношу, ежели в нем видны и стать и порода? И он, и его отец, и дед наверняка были искусными фехтовальщиками, я вижу это по его манере стоять. Как твое имя?.. О, вот еще одно подтверждение моей правоты! Я рад видеть перед собой наследника славного рода Виссноков, которые прославились и в битве под Селакки, и при Роамонеле. Будь достоин своих предков!

А вот в вас, юная дама, я вижу признаки совершенно противоположного характера. Корнелия Вента, не так ли? Эту фамилию я слышал, но уж явно не в связи с ратными подвигами. Скорее всего, речь идет о трактатах и философских трудах вперемешку с поэтическими попытками. У вас крайне характерная сутулость. Держали ли вы когда-нибудь в руках меч? Знаете ли отличия меж двуручными и одноручными мечами? Слыхали о палахах, мизерикордиях, рапирах?.. Ну что ж, это вполне предсказуемо. Итак, начнем с вас. В позицию!

Спустя полчаса

– Это поразительно. Впервые я вижу столь явную неспособность к бою, сравнимую разве что с полным параличом. Где злость? Где ярость? Я не чувствую исходящей от вас угрозы. Ну, нападайте же на меня! Вот дьявол! Как вы умудрились стукнуть эфесом себя по лбу?! Так, отойдите все... Больно? Да еще и тошнит... О, да вы таите в себе недюжинную силу, юная дама! Похоже, вы сотрясли свой многомудрый мозг. Не хотел бы я получить такой удар. Знаете что, можете пропустить пару занятий. Я вижу, что вам они никакой пользы не принесут, впрочем, как и все остальные. А на досуге постарайтесь потренироваться в атаке с чем-нибудь вроде веника – им-то вы себя, надеюсь, не покалечите. Все остальные за мной, тренировка еще не закончилась...

Глава 7, в которой рассказывается об одном заседании Трибунала и двух приговорах, коих удостоилась Каррен, а также о двух чрезвычайно интересных беседах с чародеями

Годы, проведенные в стенах Академии, необратимо изменили меня, как и предсказывал магистр Каспар. И если внешность моя не преподнесла никаких сюрпризов во время превращения меня из девчонки в девушку, то постоянное притворство и риск быть разоблаченной сыграли со мной злую шутку, равно как и тщеславие, которым я заразилась от магов, слишком много знавших для того, чтобы оставаться скромными и добропорядочными людьми.

За время своего пребывания в Академии я сменила несколько имен, пользуясь тем, что мое лицо было совершенно незапоминающимся, да к тому же и безвозрастным: я легко играла роль и подростка и девушки – в зависимости от обстоятельств. Приходилось притворяться и мальчишкой, невысокий рост и худоба помогали мне в этом. Обучалась я совершенно бессистемно; надолго примыкать к той или иной группе было опасно, ведь со временем приходилось знакомиться ближе с некоторыми адептами. Если бы не помощь некоторых слуг, знающих мою тайну, то ничего бы у меня не вышло.

Я стала подозрительна, недоверчива и расчетлива, ведь обмануть таких пройдох, как чародеи, мог только еще больший пройдоха.

По крайней мере, именно это я с гордостью себе твердила до того момента, пока не выяснилось, что даже столь ловкая притворщица все еще способна совершить нелепейшую ошибку, расплатиться за которую теперь предстояло не только иллюзиями. Весьма печальное будущее открывалось передо мной, разоблаченной адепткой-самозванкой, почти шесть лет дурачившей всю Академию и все-таки попавшейся, допустив непростительную слабость. Именно так я теперь старалась думать о плачевном финале этой истории.

У моей ошибки было имя, но его я поклялась не произносить даже мысленно. Как человек, еще не понявший, насколько он глубоко ранен, сопротивляется врагу, так и я храбрилась, не позволяя себе задумываться об истинной причине своего разоблачения, чтобы не обессилеть в единый миг. Даже будущее напугало бы меня не так сильно, как ранило бы прошлое, поддайся я искушению вспоминать.

Поэтому я старательно размышляла о всяческих пустяках, глядя на витражи в центральном окне Малого Парадного зала, где вскоре должна была решиться моя судьба. Витражи были яркими, выразительными и изображали сцены усекновения драконов магами. При этом я мимоходом отметила, что маги хоть как-то отличались внешне друг от друга, а вот дракон, судя по всему, был один и тот же, что не делает чести ратному искусству чародеев, раз его с одинаковым успехом убивало так много народу.

Стены зала были увешаны портретами знаменитых чародеев разных лет – именно здесь обычно вручали дипломы адептам-выпускникам. Теперь же вместо трибуны с текстом клятвы Брианбарда-Строителя у стены на скорую руку был возведен помост, на который водрузили длинный стол. За ним восседало семь самых великих (а ближе к правде – самых хитрых и подлых) магов, которым предстояло решить мою судьбу. Помост угрожающе поскрипывал и трещал, и оттого выражение лиц у этих мудрых мужей было весьма озабоченное. Видимо, каждый из них представлял, что будет, если ненадежная конструкция рухнет, но изо всех сил пытался сделать вид, что о такой ерунде он даже и думать не может в силу своего высокого положения.

Меня усадили на узкую и крайне неудобную лавку напротив помоста. Теперь, чтобы посмотреть на моих судей, мне приходилось задирать голову – думаю, так и было задумано, дабы пресечь любые попытки подсудимого не растерять чувство собственного достоинства.

Заседание было закрытым. В зале присутствовали только те люди, которые имели непосредственное отношение к моему делу. Таковых набралось всего-то человек с полсотни. Не было лишь того, кто стал причиной моего разоблачения, и в душе я была рада этому. Не знаю, сумела бы я сохранить самообладание, увидев еще раз это лицо, столь знакомое и близкое.

Меня охраняли два стражника из числа охраны Академии, еще четверо стояли у дверей и по двое – у каждого окна, что, наверное, должно было мне польстить. За моей спиной не смолкали шушуканья и шорохи – свидетели обсуждали друг с другом, что они будут говорить, а чего лучше вспоминать не стоит, и торопливо разворачивали бутерброды, разумно предполагая, что застряли тут надолго.

Покуда секретарь суда и писец раскладывали свои орудия труда, я решила получше рассмотреть Трибунал. Не каждый смертный удостоивался чести дышать с такими знаменитыми магами одним воздухом. Я могла только догадываться, кто из них кто. Наверняка в центре, в темно-фиолетовой бархатной тоге восседал сам Артиморус Авильский, глава Лиги. У него была самая длинная борода, самая роскошная золотая цепь с пентаграммой и самое противное выражение лица. По правую руку от него находился лысый, как колено, маг, компенсирующий это невероятно лохматыми бровями. Я поискала взглядом на настенных портретах нечто столь же выдающееся и определила, что имя этого чародея – Минос Гиельский. На портрете его голову украшала шевелюра, ничуть не уступающая бровям, и я посочувствовала магу – видать, несладкая у него была жизнь.

По левую руку Артиморуса расположился некто кудрявый и моложавый. Я принялась снова разглядывать портреты, чтобы опознать этого субъекта, но не успела. Артиморус трижды ударил молотком по подставке, бутерброды были моментально доедены или запихнуты в рукава тог, шепотки смолкли, и заседание суда началось.

– Подсудимая, встаньте! – зычно скомандовал глава Лиги.

Я встала.

– Вы обвиняетесь в нарушении договора с Лигой, подписанного вами при поступлении на работу в Академию.

Что мне полагалось сделать в этом месте обвинительной речи, я не знала, поэтому промолчала.

– Для вынесения приговора Трибуналу необходимо выслушать свидетельства всех причастных к вашему делу лиц. Все, кто занимают места свидетелей, обязуются говорить правду. Начнем заседание!

Артиморус Авильский сел. Я осталась стоять, тоскливо подумав, что у меня и ноги отвалятся, если придется стоя выслушивать свидетельства всех причастных.

– Итак, – громогласно объявил Артиморус. – Первый свидетель! Господин Липпинс!

Преподаватель-телекинезиолог с тоскливым видом проплелся к трибуне свидетеля. Из-за его крайне измученного выражения лица казалось, будто судят его, а не меня. Со вздохом он устроился за трибуной и пробубнил клятву свидетеля.

И пошли вопросы... Они были настолько однообразны и бессмысленны, что я уже к четвертому свидетелю смогла незаметно усесться на лавку. Крайний левый маг из Трибунала уже беззастенчиво сопел, а Артиморус все спрашивал и спрашивал:

– Посещала ли подсудимая ваши лекции? Была ли замечена в разговорах с другими адептами? С преподавателями? Конспектировала ли? Слушала ли внимательно? Проявляла инициативу? Каким именем называлась?

Преподаватели честно пытались вспомнить, видели ли меня хоть раз в жизни, мычали что-то про мою инициативу и внимание, пожимали плечами, когда речь заходила о конспектировании, и к концу допроса становились бледно-зелеными от тоски.

Так прошло часа два. Я уже успела опознать весь состав Трибунала, сгрызла ногти на правой руке, распорол шов на рукаве и сосчитала количество желтых фрагментов на витраже. Потом я начала считать присутствующих, перешла на портреты, затем мозаику на полу...

– Подсудимая, встаньте! – неожиданно произнес Артиморус.

Я вздрогнула и проснулась, хотя до этого была твердо уверена, что не сплю.

– Неуважение к суду! – пискляво крикнул крайний левый маг, тот самый, что довольно похрапывал все это время. Уж кто бы говорил...

Я встала, страшным усилием воли сдержав зевок.

– Отвечайте на вопросы честно и незамедлительно, говорите по сути и только когда вам будет позволено, – с презрением, как мне показалось, сказал Артиморус.

Я кивнула.

– Неуважение к суду! – снова влез левый крайний, и я хмуро на него покосилась. Видимо, он невзлюбил меня по наитию, едва только увидел.

– Итак, ваше имя?

– Каррен Глимминс из Каллесворда, – покорно ответила я и приготовилась к худшему. Если уж мне пришлось соврать еще при первом вопросе, то что же будет дальше?..

Уже вечерело, когда история моих преступлений наконец подошла к концу. Артиморус смотрел на меня едва ли не с ненавистью, которая могла относиться равно как к моей дерзости, так и к количеству моих деяний. Уже объявляли и обеденный перерыв, и вечерний, а прегрешения мои все не заканчивались. Открылось все: и мои посещения лекций в форме адепки, и присвоение себе имени Корнелии Вента вкупе с воровством документов из кабинета Стеллы, и самовольная волшба, и кража книг из библиотеки, и нарушение границ Академии... Выходило, за всю историю существования Академии подобных случаев не бывало, что мне немного польстило. Я нарушала договор на протяжении почти шести лет – это что-то да значило! Ах да, еще я свела клеймо Академии с руки, как же я забыла...

Ежу было понятно, что о снисхождении просить было бессмысленно. Хуже того – Трибунал мог принять мои просьбы за издевательство.

Артиморус наконец грохнул молотком по столу и изрек:

– Трибунал Лиги заслушал всех свидетелей и обвиняемую. Мое мнение, как председательствующего, таково: более вопиющего преступления я не видывал давно. Неслыханная дерзость и пренебрежение ко всем предписаниям! Такое могут себе позволить разве что маги, но никак не служанка, особа низшего сословия и происхождения. Сия девица хитра и изворотлива, как уж. Я даже не удивляюсь тому, что ей так долго все сходило с рук. Но я поражен тем, что она была принята сюда на работу. И посему госпожу Стеллу ван Хагевен ждет серьезный разговор. Вы, госпожа мажордом, нарушили один из главнейших законов Академии – заключили договор с лицом, имеющим способность к магии. Ваши оправдания я выслушаю позже...

Тут я почувствовала, как закололо у меня под лопаткой, и поняла, что Стелла сейчас проклиняет меня до двадцатого колена. «Мы тоже не лаптем щи хлебаем!» – злорадно подумала я и сплела пальцы в хитрый кукиш. Мой тонкий слух уловил злобное проклятье где-то во втором ряду. Результатов своей атаки я увидеть не могла, но по всем правилам у мерзкой ведьмы на носу должен был выскочить прыщ. Хотя, если он появился у нее на языке, я тоже не была бы разочарована.

– ...и приговор был единогласным: пожизненное заключение в Армарики!

«Ну вот и все», – устало подумала я и закрыла глаза. Похоже, отворот Стелле ван Хагевен был последним приятным событием в моей жизни.

Артиморус от души грохнул молотком и возвестил:

– Трибунал закончил свое заседа...

– Эй, погодите! – перебил его требовательный вопль из-за моей спины. В самом этом вопле ощущалось осознание полного права кричать вот так, во всю глотку во время заседания Трибунала, и оттого сердце мое дрогнуло.

«Это еще что такое?» – подумала я и завертелась на скамейке, как на раскаленном противне.

– Это еще что такое?! – рявкнул Артиморус и выпрямился во весь рост.

Тут произошло сразу два события: стражник ухватил меня за шиворот, явно решив, что мое беспокойство лучше пресечь, а помост коротко и громко скрипнул и спустя бесконечно долгое мгновение с грохотом обрушился, не выдержав столь резкого движения главы Трибунала. Сквозь треск ломающихся досок и балок донеслись дружные проклятия участников Трибунала, и перед моими глазами мелькнула борода главы Лиги, подобная хвосту падающей кометы. В зале раздались охи и вскрики, а с задних рядов – непочтительный смех.

Во всеобщем бедламе я и не заметила, как к руинам помоста без лишней суеты подошел человек в сером дорожном плаще и грязных сапогах. Некоторое время он наблюдал за плачевным состоянием цвета чародейского племени, а затем полез по обломкам досок вглубь и извлек из обломков бывшего помоста Артиморуса Авильского.

Тот пыхтел, сыпал проклятиями и плевался. Когда его взгляд наконец сфокусировался на своем нежданном спасителе, то лоб его побагровел, усы зашевелились, и раздался возмущенный вопль:

– Ах ты, паскудник! Так это ты... Ты...

Ясно было, что слов у почтенного мага было много, однако он не мог решить, какое из них следует сказать первым. Я попробовала было освободиться от лапищи стражника, но на него эта суতোлка не произвела значительного впечатления, и хватки он не ослабил.

– Мое почтение, господин Артиморус, – вежливо произнес мужчина в сером плаще, и я наконец его узнала. Ну конечно же! Это был магистр Каспар!

Я радостно охнула, еще не понимая, как его появление может мне помочь, но тем не менее вновь обрета надежду. Он оглянулся и улыбнулся мне самой приятной улыбкой, на которую был способен.

– Здравствуй, крестница, – сказал он мне.

Его тон был любезен и учтив, словно он даже не заметил, что его крестная дочь барахтается в полуметре от земли над скамьей подсудимых, крепко удерживаемая стражником за воротник. Можно было вообразить, что мы повстречались на светском рауте между мазуркой и полонезом.

– Ну и что это все значит? – Артиморус все еще был красен и возмущен.

Магистр Каспар наклонил к нему голову и сказал вполголоса, но я все равно его услышала:

– Это значит, что я могу кое-что сообщить по этому делу. И то, что я скажу, заставит вас пересмотреть свой приговор.

И вот я очутилась в какой-то камерке с маленьким окошком, сквозь которое не было никакой возможности протиснуться. Я ободрала себе плечи, уши и ладонь, однако была вынуждена признать, что выбраться отсюда невозможно. Слова магистра Каспара, которые мне удалось подслушать, меня не воодушевили. Вполне возможно, что его сообщение действительно сподвигло бы Артиморуса изменить мой приговор, и он присудил бы мне, например, смертную казнь через повешение или четвертование.

Потом я изучила дверь и поняла, что мне остается разве что попробовать прошибить ее лбом, так как более подходящего применения моей пустой голове не было.

Усевшись на пол, я заскучала, отчетливо осознавая, что пребываю сейчас не на самом лучшем отрезке жизненного пути и остается только просить всемилостивых богов, чтобы этот отрезок не стал еще и финальным. Однако от печальных размышлений меня отвлек какой-то шум.

Я наострила уши и вскоре разобрала голоса, доносившиеся откуда-то сверху. Осмотрев стены, я почти сразу же обнаружила небольшое вентиляционное отверстие почти под самым потолком. Размеры его были малы, что не позволяло использовать его для побега, однако не подслушать разговор, отзвуки которого оттуда доносились, было бы грешно и глупо.

Я ухватила небольшую скамейку, которая стояла в углу, и прислонила ее к стене под углом, а потом взобралась по ней наверх, рискуя переломать себе ноги. До вытяжки было еще далековато, но слышимость стала лучше, и я уже могла разобрать отдельные слова.

Естественно, это были Артиморус с Каспаром. Я даже не удивилась.

Магистр говорил негромко, поэтому большая часть его слов оставалась для меня непонятной. Глава Лиги же иногда переходил на крик, что способствовало мне в моем нехитром деле подслушивания.

Итак, вот тихое равномерное бухтение магистра Каспара:

– ...Я сразу понял... лучшего выхода не было... безопасно... Стелла не знала...

Утробное рычание Артиморуса:

– Да как ты додумался до такого?! Без извещения... почему я не знал... авантюра...

А если бы кто-то...

– Лишний шум... она сама не... сами подумайте, что лучше...

– А ты уверен?... Совпадение... мало ли что бывает...

– Видел своими глазами... спутать сложно... Арданция...

– Может, подмена?... Отвод глаз?..

– Чушь!.. Да вы сами... портрет в зале... ежу понятно...

Я слезла на пол и в крайней досаде сплюнула. Даже того, что я услышала, мне хватило, чтобы понять главное: приплыли. Значит, со мной не все так просто: какие-то фамильные тайны, секретные интересы, заговоры, прочая пакость, которая не даст мне прожить свою жизнь достойно, как бы я ни пыталась откреститься от этой заразы. Нет, ну что за невезение! И ладно бы я стремилась внедриться в гущу событий, так нет же! И никто меня теперь не спросит, мало того – даже не предупредит, что пришло мое время сыграть малоприятную роль в чьей-то игре. Ясно, что в покое меня не оставят, и даже словечко это «авантюра»... Как же моя бабушка его не любила... Нет! Даже слушать не буду больше! Знать не хочу!

И я уселась на пол, зажав уши руками. Но теперь, как назло, магистр Каспар стал говорить громче, видимо в запале, и до меня все равно доносились обрывки фраз: «Особенно теперь, когда мятежи в Рире...», «...скорее всего, он не знает...», «В случае войны...», «...услать подальше, и только в крайнем случае...», «Нельзя, чтобы кто-то заподозрил...», «Девушка сама не промах...».

– Да подите вы к бесу! – прошипела я и заткнула уши пальцами.

Не хотелось даже думать о том, что в случае войны меня выковыряют, как устрицу из раковины, оттуда, куда до этого услали подальше, и кто-то, не знающий обо мне до поры до времени, будет крайне заинтригован этим событием, а все остальные, включая меня, будут дружно ничего не подозревать. Вот же гнусность какая!

Так, с заткнутыми ушами и закушенной от гнева губой, меня и обнаружил стражник, которого послали за подсудимой. Он с печалью посмотрел на меня, явно решив, что от пережитого я окончательно рехнулась, и отконвоировал меня в Малый Парадный зал.

Там ничего особо не изменилось, разве что задние ряды более отчетливо храпели, а обломки помоста немного растащили по углам.

Артиморус, чья борода от пережитого приобрела крайне пышные очертания и игривую своенравность направления, зычно известил:

– Внимание всем присутствующим! Попрошу тишины!

Особо храпящих растолкали, меня снова за шиворот подняли над лавкой. Я заскребла ногами пол, захрипела, но стражник был на редкость невозмутимым человеком.

– В связи с новыми, только что открывшимися обстоятельствами этого дела приговор изменен! Каррен Глимминс приговаривается к службе у поместного мага в качестве исправительных работ – до истечения срока ее семилетнего контракта. Это все! Заседание окончено.

Рука стражника разжалась, и я плюхнулась на лавку, лязгнув зубами. Теперь я куда лучше чувствовала магию и сразу же поняла, отчего на мгновение зачесалось запястье – клеймо Академии вернулось на свое место, и вряд ли мне удалось бы его свести еще раз, после того, как его наложил сам Артиморус.

Присутствующие зашумели, причем в гомоне ясно слышалось как недоумение, так и облегчение от того, что эта тягомотина наконец пришла хоть к какому-то завершению.

Я оглянулась и увидела, как гримаса недоумения на лице Стеллы ван Хагевен, сидевшей в первых рядах, сменяется разочарованием, а затем и откровенной злобой. С удовольствием отметила, как сжались ее маленькие ручки в кулачки, да так, что тонкие перчатки едва не лопнули по швам.

Тут я снова повернулась к Артиморусу, которому на ухо что-то нашептывал магистр Каспар, и заметила, что старый маг внимательно рассматривает нечто над моей головой, то и дело переводя задумчивый взгляд на меня. Я снова вывернула шею, но ничего интересного не обнаружила – просто стена, портрет на ней и бумажная гирлянда, оставшаяся с зимнего праздника. Я еще поразглядывала на всякий случай портрет, но и там не было ничего интересного: какой-то тощий, растрепанный маг с подслеповато прищуренными глазами, выглядевший ненамного старше меня.

«Сальватор Далерский» – прочитала я его имя и хмыкнула, мне оно ни о чем не говорило.

Ну его к чертям болотным! Еще мне не хватало выяснять, какое он ко мне имеет отношение. Главное, жива и даже практически свободна. Служба где-то в глуши – тоже мне еще наказание!..

Однако заранее радоваться мне не стоило. Еще не факт, что меня теперь ждало более беззаботное будущее, нежели застенки Армарики. Новые обстоятельства моего дела, столь впечатлившие Артиморуса, мне совершенно не понравились, в чем бы ни заключалась их суть.

Мой крестный-самозванец лучился счастьем, разглядывая меня. Ранее я не замечала, что мой вид может вызывать такую радость у людей. Но его улыбка просто истекала медом и патокой, а голос был насыщен сахаром, как сироп.

– Прямо не верится, что уж пять лет прошло! – задумчиво начал он. – Вот только вчера, помнится, я привел в эти стены маленькую девочку, замерзшую и напуганную, а сейчас передо мной...

Я искоса посмотрела на него, в душе любопытствуя, как же этот плут вывернется. Перед ним сейчас сидела лохматая, как бродячая собака, девица с мозолистыми руками и сутулой спиной, вряд ли изменившаяся к лучшему за шесть лет. Но вряд ли что-то подобное должен был сказать любящий крестный после долгой разлуки.

– ...юная девушка, умная и решительная не по годам! – недрогнувшим голосом закончил магистр.

– Вы мне льстите, – хмуро сказала я, еще не избрав линии поведения.

– Нет, я искренен, как никогда! – И магистр переплел сам себя, ухватив мою руку и запечатлев на ней поцелуй.

Я с любопытством пронаблюдала за этим действием, потом с достоинством обтерла руку об подол и нагло ухмыльнулась в ответ:

– Действительно, годы пролетели незаметно. – В куртуазности манер я уступала магистру, но зато вкладывала в голос прорву чувств. – Что привело вас сюда, да еще в столь переломный момент моей судьбы?

– Сердце подсказало, – легко отбил он мою атаку.

Я вдруг поняла, что он совсем не изменился с нашей последней встречи, которую я отлично помнила. Ну конечно же – он маг! Все то же узкое лицо с удивительно правильным носом – ровным, соразмерным, как у мраморных изваяний, и глубоко посаженные светло-голубые глаза. Его манера кривить чуть набок бледногубый рот была точь-в-точь такой же, как и пять с половиной лет назад, а правая бровь изгибалась все так же скептически. И я вновь остро почувствовала недоверие, смешанное с симпатией, точно такое же, как и при первой нашей встрече.

Меня, безусловно, обманывали, но делали это с чувством и некоторым изяществом.

Я невольно хмыкнула и улыбнулась краешком рта.

Он с непроницаемым лицом молчал некоторое время, а потом все-таки улыбнулся мне в ответ, тонко и с небольшой насмешкой.

– А они вас не испортили, – с одобрением сказал он, перестав наконец притворяться. И тут же я почувствовала, что окончательно поддаюсь его обаянию.

– Было бы что портить... – пробормотала я, тщетно пытаясь сохранить ясную голову.

И снова он улыбнулся мне, как равной. Хотя черт его знает! Может, это было просто хитростью другого порядка?

– Тогда к делу, – сказал он. – Вы слышали свой приговор?

– Оба.

– Прекрасно. И как вам?

– Разнообразно, я бы сказала.

– Но вы удовлетворены исходом дел?

Я пожала плечами и с невинным видом осведомилась:

– А если скажу, что нет? Меня представят к награде, и Стелла ван Хагевен будет мыть полы у меня в кабинете?

Он испытующе посмотрел на меня:

– А у вас богатая фантазия...

Я поняла его тон. Сейчас он раздумывает, подозреваю ли я хоть что-нибудь о его намерениях и если это так, то как далеко зашли мои догадки. Понятно, что ему будет легче использовать меня втемную, ведь при игре в открытую правила изменятся – я начну защищать свои интересы и ставить палки в колеса, усложняя его задачу. Соответственно он попытается в ответ усложнить мою жизнь. И еще неизвестно, смогу ли я в таком случае хоть как-то бороться за право дышать и любоваться солнцем.

Ясно. Он не должен знать, что я о чем-то догадываюсь. Так будет проще.

– Последний поворот событий был настолько неожиданным, что теперь я могу ожидать чего угодно, – произнесла я, подпустив в голос немного тревоги и чуть-чуть истеричности.

«Я ничего не понимаю, – говорила я ему мысленно, памятуя о том, как звучал его голос в моей голове несколько лет назад. – Я пытаюсь держать себя в руках, не потерять лицо, но мне страшно. Что-то здесь не так. Я не полная идиотка, я вижу, что дело нечисто. Но мне

невдомек, почему же все это происходит. Я не буду сопротивляться, потому что растерянна. Пусть все идет как идет, главное – я спаслась от Армарики. Да, я слегка ерепенюсь, потому что дерзка и напуганна, но я ни о чем не догадываюсь».

Он смотрел на меня своими светлыми, бесстрастными глазами, в которых таилась колючая искорка, а я все пыталась обмануть его взгляд.

– Ничего страшного, – наконец сказал он после паузы, которая показалась мне бесконечной. – Полтора года – пустяк. Вы даже не заметите, как они пролетели. А потом, когда вы будете свободны словно ветер, жизнь может и перемениться. Все будет в ваших руках, и я помогу вам, ручаюсь. Поверьте мне, спустя несколько лет никто и не вспомнит про этот досадный эпизод, зато ваше имя будут знать от Хельбергона до Амилангра...

«Купилась», – удовлетворенно подумала я и на всякий случай опустила глаза долу, чтобы не дать ему заметить в них блеск торжества. Это была крошечная, но победа. Да, он продолжал морочить мне голову, а следовательно, думал, что я поверю его сказкам. Но я не верила ему в прошлом, еще не имея конкретных доказательств его лжи, а уж сейчас и подавно. Лгите мне, магистр Каспар, лгите. И может быть, в тот момент, когда вы решите меня использовать, ваша расслабленная, топорная фальшивость спасет мне жизнь, потому что я разгадаю ее без труда. *Может быть.*

– Вы отправитесь на службу завтра. Медлить нельзя, – говорил между тем коварный обманщик, очаровательно улыбаясь, так что даже мое черствое сердце трепыхалось. – Вам вручат рекомендательные письма и все полагающиеся бумаги. Пока еще не известно точно, где вам доведется отбывать свое наказание, но вроде бы в восточной части княжества – то ли рядом с Гройдтом, то ли с Эсвордом. Артиморус сказал, что немедленно займется этим вопросом, так что к вечеру это станет известно точно. До Умпадта вас довезет господин Эвернети, стряпчий Академии, которому по пути. Дальше вам предстоит добираться самой, но дорога там спокойная и безопасная, и к тому же клеймо всегда даст знать, где вас искать, если что. Это, кстати, главная причина нигде не задерживаться и выбирать кратчайший путь, ибо вас могут заподозрить в каком-нибудь глупом умысле вроде бегства. Не все же знают, насколько сообразительна моя дорогая крестница, которая понимает, что так она только усугубит свои неприятности... Как только вы прибудете к вашему временному господину, он известит Стеллу ван Хагевен – вы, к сожалению, пока числитесь по ее ведомству... А потом вам останется только отдыхать на природе да дышать свежим деревенским воздухом. Только не вздумайте делать глупости, если надумаете сбежать, маг тут же известит Лигу, и вам тогда не позавидуешь. Но вы же умная барышня и знаете, что иногда нужно просто выждать. Все будет просто отлично, поверьте моему опыту...

Едва я успела перекусить остатками остывшего ужина, забредя на кухню, как тут же явился Озрик и презрительно сообщил мне, что светлейшая Стелла ван Хагевен с нетерпением ждет моего появления. Я, пытаясь не показать, как меня встревожила эта новость, дожевала жесткую отбивную, помыла руки и отставила в сторону квас, который мне принесла сердобольная повариха.

Разговор с магистром внес сумятицу в мою душу, так как закончился весьма неожиданно, на словах: «Завтра поутру я приду вас проводить, если, конечно, буду в состоянии», поэтому я не горела желанием разговаривать еще с кем-то, а уж тем более – с опаснейшей Стеллой ван Хагевен. По блестящим глазам магистра Каспара я поняла, что его возвращение будет пышно отмечено в кругу старых приятелей и, скорее всего, до утра обо мне он благополучно забудет, посчитав, что и так потратил немало времени и очарования на свою крестницу, пока еще не способную принести ему прямую выгоду. У меня же возникли кое-какие проблемы, в решении которых мне мог поспособствовать только он, а никак не госпожа мажордом.

Ступая след в след за моим востроносым недоброжелателем, я шла по коридорам, с тоской разглядывая стены, ставшие в какой-то степени мне родными. Почти шесть лет я привыкала к этому странному, непостижимому месту, где магия была возведена в ранг науки, и лишь теперь поняла, что уже сроднилась с ним. Но пути назад не было, я знала, что ни один адепт теперь не подаст мне руки, пусть даже раньше многие искренне называли меня своим другом. Мой обман не простил даже тот, кто был больше, чем друг, чего же ждать от остальных?..

Тут я отругала себя за то, что нарушила собственный зарок, и мысленно посоветовала себе думать о куда более важных на данный момент проблемах.

...И вот я стояла у дверей, с которых началось мое знакомство с миром Академии. Этими же дверями ему суждено было закончиться, ведь этот мир изгонял меня и не желал больше принимать за свою. Быть может, я сама была виновата, потому что нарушала его законы. Но не являлась ли Академия сама отрицанием всех законов? И смогла бы я узнать все ее грани, если бы покорно плыла по течению, выполняя только то, что мне говорили?..

Нет уж, себе-то я могла признаться, что ничуть не раскаивалась в содеянном и сожалела лишь о том, что больше никогда не смогу изучать магию.

– Входи, – ледяным голосом приказала мне Стелла, когда заметила меня у порога.

Я вошла, тщетно пытаясь унять бешено бьющееся сердце. Кто же не знал, как мстительна и злопамятна эта полновластная хозяйка Академии, как опасно доверять ее спокойной позе: головка слегка наклонена набок, нога в изящной атласной туфельке покачивается в такт неслышимой мелодии, а глаза подернуты поволокой, как это умеют делать лишь светловолосые, бледнокожие красавицы... И кроме того, я заметила, что на ее точеном носике красуется обширное покраснение, присыпанное пудрой, заметное даже в неярком свете свечей.

Похоже, за подобную дерзость мне придется заплатить едва ли не кровью. Да уж, если б я знала, что меня не будут отделять от этой ведьмы стены Армарики всю оставшуюся жизнь, то поостереглась бы делать такую глупость...

– Забавное представление мне выпало смотреть сегодня, – медленно и певуче сказала она. – И кто бы мог подумать, что именно ты станешь главным действующим лицом этой... фантазмагии.

Последнее слово она произнесла с брезгливостью.

Я молчала, понимая, что она не хочет пока слышать мой голос и не нуждается в комментариях.

– Столь обычное, рутинное начало, – рассуждала она между тем, безмятежно и спокойно поглаживая рукой столешницу. – Скучнейшее дело о непомерно наглой, дерзкой и глупой девке, которая возомнила, что она хитра и умна. Да, я признаю, что ты ловка. Не каждый смог бы так долго дурачить всю Академию. Наверняка у тебя есть какие-то способности, даже неважно, как велики они. Главное, что ты набралась наглости, а быть может, просто потеряла последний ум и решила сравняться с теми, кто выше тебя и по рождению, и по праву. И никто даже предположить не мог, что можно так далеко зайти. Оттого так долго твой обман и просуществовал. Но какое неожиданное завершение!

Я пожала плечами. Ясно было, что эта ведьма досадует на то, что меня помиловали, не спросив на то ее соизволения, да к тому же еще и немало озадачена.

– Хотелось бы мне узнать, что заставило Артиморуса так неожиданно переменить свое решение. Но, увы, никто не счел нужным поставить меня в известность. – Она вздохнула. – Будь моя воля, ты бы быстро разговорилась, в подвалах Академии есть много приспособлений, развязывающих язык. Но ты теперь важная персона, и я не имею права поступить с тобой так, как ты того заслуживаешь. Сам Артиморус почему-то обратил внимание на тебя. Но это *пока*. Тебя сейчас отправят куда-то в захолустье, а проще говоря, спрячут, и ты наивно полагаешь, что это хороший исход.

Как ни противно было сознавать, но в этом я была абсолютно согласна со Стеллой. Верить в то, что на этом все мои беды закончились, было бы крайне наивно.

– Служба у поместного чародея не такой уж и подарок, – размышляла Стелла вслух. – Хотя с другой стороны, кто мешает им впоследствии пристроить тебя в более теплое местечко, чтобы ты из благодарности не дергалась и с радостью исполняла все, что тебе скажут? Да, они понимают, что ты немного строптива, оттого и пытаются приручить тебя, да так, чтоб ты не заподозрила, насколько нужна им. Хитро...

И Стелла выжидающе уставилась на меня своими яркими, пустыми глазами.

Отлично! Теперь я поняла, чего она добивается. Своими откровениями она хотела просветить меня насчет истинных мотивов моих благодетелей, озлобить, настроить против них, чтобы разрушить весь замысел Каспара. Но она тоже обманулась во мне, объяснив мою покорность неведением. Нет, до чего же удобно быть ничтожеством в глазах чародеев! Все пытаются наперегонки использовать меня вслепую, полагая, что я не вижу дальше собственного носа, как и все, кому не повезло появиться на свет в знатной и богатой семье. А я пусть и не имею возможности противостоять им на равных, но хотя бы могу угадывать, в какой области пролегают их интересы. Выходит, Стелла и Каспар сейчас враждуют, все еще не примирившись после какой-то давней истории. А Артиморус пока на стороне Каспара, и оттого она не решается вредить моему шустрому крестному-самозванцу открыто... Нет, я не буду тебе подыгрывать, ведьма, и даже не потому, что на дух тебя не выношу. Просто боюсь запутаться во всем этом нагромождении обмана.

– Это вы про что, ваше сиятельство? – Я подпустила в голос такого непроходимого идиотизма, что Стеллу даже покорежило. – Крестный еле-еле упросил светлейшего господина Артиморуса, чтоб тот сжалился. И про матушку мою сказывал, и про батюшку – как померли они давным-давно и оставили меня одну на всем белом свете. Ох и намучился магистр Каспар, покудова убедил господина Артиморуса не отправлять меня в Армарику. Тот и кричал, и ногами топал – так мне крестный и сказал. Сама поверить не могу, что эдак все хорошо устроилось. Про какое такое теплое место ваша светлость изволит говорить? Неужто так тяжело у поместного мага в услужении?..

В конце концов, заморочить голову Стелле было не сложнее, чем магистру Каспару. Да что там! Куда проще. Если бы я прикинулась дурочкой в разговоре с ним, то он неизбежно бы меня избличил, так как по какой-то причине верил в мой светлый ум. Ну или хотя бы в относительную разумность. А Стелла настолько презирала меня, что с радостью скушала весь этот бред и даже нашла в нем подтверждение своей правоты. Ну кто не любит польстить своей проницательности...

– Ладно. – Она с сожалением посмотрела на меня. – Ты еще поймешь мои слова когда-нибудь... Но это не к спеху. Лучше послушай, что я скажу тебе теперь. Сейчас моя не взяла, с Артиморусом задираться дураков нет. Но когда шум немного стихнет... У меня есть кое-что про запас, хоть *он* и не придавал этому значения.

И в ее руках вдруг появился свиток. Я пригляделась, и по моей спине пробежала короткая дрожь. Это был мой контракт. На просвет были видны корявые буквы, нацарапанные моей рукой пять с половиной лет назад.

– Помнишь эту бумаженцию? – с улыбкой спросила меня она. – Ну конечно же помнишь. Так вот. Может, *кое-кто* и позабыл о ней, но силу свою она еще не утратила. И знаешь, что это значит? Знаешь, знаешь... Еще год ты принадлежишь Академии. И определять, где ты будешь отбывать свое наказание, полагается именно мне. Только что почтеннейший Артиморус Авильский поручил мне заняться этим важным вопросом, совершенно забыв, что у меня может быть личный интерес в отношении девицы, которую мне же и подсунили пять лет назад по непонятным, но очень интригующим причинам. Я уже подобрала тебе патрона и сделала это со всем старанием. – Тут она многообещающе улыбнулась. – Ты

будешь работать у поместного мага города Эсворда, магистра Виктредиса. Знаешь, где находится Эсворд? Жуткая глушь, поверь мне. Провинция в худшем понимании этого слова. И Виктредис тоже не подарок – я долго выбирала. Работать тебе придется очень много... Это не так легко, как ты думаешь, а тем временем Артиморус слегка позабудет о тебе, потому что у него и так хлопот хоть отбавляй – то отравить хотят, то зачаровать, то на взятке сэкономить... Вряд ли ты справишься со своим наказанием, я об этом позабочусь. А стоит тебе только шаг в сторону сделать, ты вернешься ко мне под крылышко, и у меня хватит времени тебя расспросить как следует. Ты, должно быть, решила, что служба вне стен Академии означает свободу? Нет, дорогая моя. Я предупрежу эсвордского мага, и он будет следить за каждым твоим шагом, да так, что ты выть на луну будешь. Никто не собирается посвящать этого знахаря во все тонкости твоего дела, но я дам ему кое-какие рекомендации. Пусть он только найдет повод для недовольства!.. Как я буду этому рада! Ведь если он решит по какой-либо причине отказаться от твоих услуг, ты окажешься в Академии, не успев глазом моргнуть. Причем меня не интересует причина, поверь.

Я лихорадочно пыталась придумать, как надерзить ей в ответ, но, как назло, в голову ничего не приходило. И она довольно улыбнулась, поняв это, что вовсе было обидно.

– Если ты надеешься на помощь своего деятельного крестного, который всегда так вовремя появлялся на твоем жизненном пути, то зря. В ближайшее время его отправят в Даэль – некоторым в Изгарде он слишком мешает, да так, что во всем княжестве для него не найдется места. Слишком уж неуживчивая у него натура. А Артиморус, думаю, не воспротивится, если я впоследствии возьму тебя под свою опеку. Особенно если будет думать, что это делается по доброте душевной, а я уж постараюсь его в этом убедить. Я не позволю Каспару водить меня за нос. Поняла? Одна ошибка с твоей стороны, и ты возвращаешься ко мне. А за год ты допустишь промах, в этом я уверена. Можешь, конечно, попробовать сбежать. Но тебя будет искать вся Лига. Думаю, что долго бегать у тебя в этом случае не получится...

– А если... – начала я, но Стелла меня оборвала:

– Любое «если» будет не в твою пользу. По какой бы причине твоя служба у поместного мага ни прервалась бы, ты немедленно вернешься в Академию. Поверь мне, я смогу доставить тебя назад за считанные часы.

Я едва сдержалась, чтобы не вцепиться ведьме в ее пышные белокурые локоны. Вот как ловко она придумала разрешить эту чрезвычайно болезненную для меня ситуацию! Напрямую ей действовать не позволяло внимание Артиморуса, а вот выжидательная тактика вполне могла себя оправдать. Магистра Каспара – моего единственного защитника – ушлиот подальше, а я буду полтора года барахтаться в опасной близости от ее цепких коготков.

Я не сомневалась, что Стелла говорит правду. Если Каспар уговорил Артиморуса спрятать меня в провинции, что стоит этой ведьме переубедить главу Лиги в отношении целесообразности этого плана и вернуть меня в осиное гнездо, каковым представлялась мне Академия? Конечно, если она выкажет слишком живой интерес к моей персоне, это насторожит Артиморуса. Но если у нее будет причина, в виде жалобы моего хозяина или еще какой-нибудь ерунды, то мне никуда не деться. Провались оно все в преисподнюю!

А Стелла все улыбалась улыбкой сытой кошки, которая съела столько мышек, что очередная ей просто в глотку не лезет.

Да, смахивало на то, что дальнейшая жизнь моя усложнилась до невозможности.

И я ушла от мажордома Академии, едва волоча за собой ноги от слабости, которая охватила меня, едва я только сообразила, насколько беспомощна в данной ситуации. А ведь это было только начало...

Ночь мне довелось коротать в Музее, рядом с чучелом снежной кошки, на редкость пушистым и мягким, хоть и изрядно вонючим. Моя кровать уже была отдана другой адептке, и я смогла забрать лишь то, что не успела выбросить моя наследница: запасную рубаху

(видимо, она приглянулась хозяйственной девице в качестве тряпки) да теплые носки и подходящий им по цвету шарф, что связала моя лучшая подруга, умершая в прошлую зиму от жестокой простуды. Все остальное добро: значки адепта, многочисленные амулеты, обереги, ворованные книги, поддельные документы, тетради, исписанные моим бисерным почерком, пробирки с толчеными нетопыриными суставами и жженой шерстью ехидны, а также многое, многое другое было изъято во время обыска и передано Трибуналу в качестве улики. Все мои труды пошли прахом.

С рассветом меня разбудил старый Фитцпарк, ничуть не удивившийся моему появлению в стенах Музея. За минувшие годы мне не раз доводилось заходить в гости к моему *первому* учителю, прячась от всяческих проверок и комиссий, которые то и дело тщетно пытались определить, сколько же на самом деле адептов обучается в Академии. Он немного попенял мне за непочтительное отношение к ценному экспонату, обратил мое внимание на то, что шерсть на боку зверя теперь вся взъерошена и потребует длительного расчесывания. Потом шмыгнул носом, обнял и сказал:

– Удачи тебе, милая, и терпения. Все у тебя будет хорошо!

Я расцеловала старика в обе щеки, пожелала ему долгих лет жизни, а полчищам моли – безвременной гибели и побрела к конюшне.

Господин Эвернети, кругленький, подвижный субъект, уже был готов отправляться в путь – в Умпадте его ждало какое-то неотложное дело. Увидев меня, он пробурчал что-то насчет засонь, которые и собственную смерть проспят, однако трогаться с места отчего-то не спешил.

Я оглянулась и поняла причину этого промедления: пустынный двор Академии пересекал магистр Каспар, направляясь явно в сторону конюшни. Двигался он довольно быстро, однако непредсказуемо, то и дело меняя направление с переменным успехом. Из этого я сделала вывод, что эту ночь он провел куда веселее, чем я.

Так как мне настоятельно требовалось решить с ним один важный вопрос, я немного пала духом. Похоже было, что разговор придется начинать очень издалека...

– Здравствуй, крестница! – радостно прокричал магистр мне на ухо, как только добрался до повозки господина Эвернети, и облапил меня, выказав недюжинную силу, неизвестно где скрывающуюся в его худощавом теле.

Эвернети понял, что у столь сердечного разговора крестного с крестницей свидетелей быть не должно, и, почтительно откланявшись, направился за каким-то забытым или придуманным документом к Стелле ван Хагевен.

Я перевела дух, с опаской глядя на расчувствовавшегося магистра, а тот отступил шаг назад и со всхлипом произнес:

– Совсем выросла! Уже невеста...

Я закатила глаза, попросив мысленно у Провидения выделить мне еще малую толику терпения, и выразительно произнесла:

– Прощайте, господин магистр. Я благодарна вам сверх всякой меры! Осмелюсь обратиться к вам с еще одной небольшой...

– Умница! – обрадовался магистр, не потрудившись дослушать, и снова полез обниматься.

– Право, не стоит, – пропыхтела я, отбиваясь от назойливого крестного и пытаясь сообщить, как же направить разговор к волнующей меня теме.

– Я рад, так рад, что не ошибся в тебе! – заявил магистр, глядя куда-то в небеса. – Сегодня я всю ночь напролет отмечал свое возвращение и твое освобождение! И хоть меня снова отправляют к черту на кулички, это не испортило мне праздник.

– Вот и замечательно! – сказала я, тщетно выискивая взглядом господина Эвернети, но тот как сквозь землю провалился. Может, при нем мне как-то удалось бы затронуть болезненный вопрос о...

– И между прочим, – многозначительно произнес магистр, подняв указательный палец, – я многое узнал про мою маленькую крестницу! Ты у меня, оказывается, редкая молодчина!

Я страдальчески вздохнула, уже начиная догадываться, что сейчас будет говорить магистр. На второй год своего лжеадептства я вошла во вкус и проявила некоторую склонность к разнузданным шалостям, как обычно называли мои подвиги пострадавшие преподаватели. Адепты же предпочитали именовать их «отличными шутками», благодаря чему я снискала уважение и почет в определенных кругах. Перечисление моих деяний было не столь долгим, однако заставило меня несколько помрачнеть, так как сейчас мне было не до гордости за свои прошлые заслуги.

– Да-а-а, что может быть лучше адептской жизни?.. – мечтательно изрек магистр, завершив восторгаться последней из моих пакостей, и его глаза заволокло туманом воспоминаний.

– Да, но видите ли...

Магистр с пьяной улыбкой погрозил мне пальцем:

– Эх, молодежь... Вам бы все веселье да гнусности! Нечего смущаться – так оно и должно быть. Пойду я, наверное. Меня еще ждут, кстати говоря. Вон и Эвернети показался... Ну, счастливого тебе пути, крестница!

И снова я не успела увернуться. Смачно похрустев моими ребрами, магистр развернулся и по сложной кривой траектории двинулся куда-то в сторону западного крыла.

– Э-э-эй! – неуверенно окликнула я его, как только отдышалась, но магистр и ухом не повел. – Магистр Каспар! Уважаемый! Стойте!

Но чародей уверенно обогнул стог рядом с конюшней, врезавшись при этом в карету Стеллы ван Хагевен, мимоходом проклинал ее, отчего обе оси с треском подломились, и скрылся из виду.

– Да что же это такое! – в сердцах выкрикнула я. – На какие шиши мне теперь добираться до этого вашего Эсворда? У меня ж все деньги конфисковали!

Но ответом мне была тишина и фыркание лошадей. В пылу составления хитроумных интриг, где я играла неизвестную и крайне пассивную роль, никто из великих и мудрых магов даже не задумался, что интересующий их объект рискует подохнуть с голоду по дороге и даже запасных ботинок не имеет.

– Вот паскудство! – рявкнула я и топнула ногой.

Господин Эвернети торопливо взобрался на козлы и прикрикнул на меня:

– А ну, быстренько в повозку! И так полдня потеряли!

Хотя это было явным преувеличением, я покорно взобралась наверх и со вздохами принялась устраиваться поудобнее. Сиденье было явно родом из пыточной.

Господин Эвернети щелкнул вожжами, и мы тронулись.

Глава 8, в которой описываются природа и обычаи эпфельреддского захолустья, с которыми довелось познакомиться Каррен во время ее путешествия

Чем значительнее я удалялась от Изгарда, тем более странные чувства меня посещали. Места, по которым мне довелось ехать, каждой мелочью напоминали мне Артанд, воспоминания о котором уже успели сгладиться и подернуться мутной пеленой. Я уж и забыла, каково это – дышать воздухом, не отравленным городским зловонием. И небо здесь казалось выше и чище, нежели изгардское, почерневшее от копоти и дыма тысяч печных труб; и солнце было ярче и теплее. Глупое мое сердце забывало, что вовсе не по своей воле я отправилась в этот путь, начинало биться сильнее и чаще, словно подгоняемое неясным предчувствием. Я злилась сама на себя, заставляла думать здраво, без этой небесно-солнечной чуши, однако снова и снова вдыхала свежий весенний воздух, запахи талой воды, клейких березовых почек, оживающей тысячами травинки земли...

А весна, словно почуяв, что больше у нее нет достойных соперниц, все выше поднимала голову и, уверившись в незыблемости своего права на власть, увенчивала каждый пригорок первыми цветами, словно награждая за поспешность, с которой тот освободился от снега. И вдруг из этих маленьких белых анемонов, из нежно-зеленых листочков на придорожных кустах, из журчания ручьев под копытами лошадей соткалась мысль, настолько ясная и простая, что было странно – как же я раньше этого не поняла? Наверняка городской чадный воздух затуманил мне голову! Иначе бы я не смогла прожить столько лет без дома и семьи в отравленной ядовитыми испарениями атмосфере Академии, выдавая себя за адептку и постоянно страхась разоблачения. Подумать только, и я еще огорчалась, когда меня изгнали из этого тесного, душного мирка, где мне довелось узнать самое горькое предательство в своей жизни!

Я улыбнулась и сказала сама себе:

– Я никогда не вернусь в Академию! Стелле не добраться до меня!

И тут же поморщилась. Все-таки это было слишком. Не хватало только припасть к дорожной грязи и зарыдать. Что-то со мной творилось странное. Наверное, с голоду.

Начну-ка я заново.

Итак, весна с зимой пусть разбираются сами, цветочки пусть произрастают, а небеса голубеют. Все предыдущее славословие можно было свести к краткому выводу: не успела я выехать из Изгарда, как мне в голову пришла мысль, что возвращаться туда нельзя ни в коем случае. Нет, свое наказание я собиралась отбыть от первого дня и до последнего. К чему мне к «несанкционированной манипуляции магическими формулами» добавлять еще и «уклонение от наказания путем бегства»? Да и Стелла мне все разъяснила как нельзя подробнее. А вот после истечения срока приговора следовало попытаться выторговать у магистра Каспара что-нибудь поприличнее, нежели фартук служанки. Да что там! Может быть, до той поры все переменится и обо мне забудут за ненадобностью! И наконец-то я сама смогу принимать решения и распоряжаться своей жизнью так, как мне хочется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.